

Василий Суворов

The illustration depicts a man in a dark green military uniform with gold buttons and a peaked cap, standing centrally with his hands clasped. He is surrounded by several women in light purple lace lingerie. The background shows the interior of a ship with metallic structures.

Будни выходных и праздников поручика XXI века и его друзей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Суворов

**Будни выходных и праздников
поручика ХХІ века и его друзей**

«Автор»

2024

Суворов В.

Будни выходных и праздников поручика XXI века и его друзей /
В. Суворов — «Автор», 2024

Секс доступнее тем, кто при деньгах. Они многое решают, но не всегда нужна куча «бабок», чтобы получить желаемое. Бывает достаточно сказать приятное, подарить безделушку, спеть песню или даже пристальный взгляд и как будто случайное прикосновение поспособствуют расположению к себе партнёрши. Иногда и разговор ни о чём может довести до постели. Приехав в город-миллионник, привыкаешь и он уже не кажется чужим и огромным, а становится своим, родным. А маленький городишко, когда не изучил ещё главные улицы, может показаться большим и враждебным. Города так или иначе влияют на жителей. И секс в каждом городе свой, особенный. Сексом всё-таки занимаются люди, а не города. Поэтому: «Секс, он и в Африке — Секс». Открытый, раскованный, голый. Дешёвый, шикарный, продажный. Скромный, красивый, до безобразия грязный. Жестокий, чувственный, групповой. Но всегда такой приятный, что не устаёшь им наслаждаться, в каком бы городе он не совершался. Так давайте наслаждаться им вместе.

© Суворов В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Больница № 6	6
глава 1. Три шестёрки	7
глава 2. Розана	12
глава 3. Глубже...	15
«Звёздный»	22
глава 1. Не шампанское	23
глава 2. Я тоже буду спать голенькой	26
глава 3. Егорка	31
глава 4. Дайана Лии	35
День зарплаты	46
глава 1. Финслужба	47
глава 2. Нинель	50
глава 3. Волшебные руки	54
«Однорукий бандит»	62
глава 1. Замполит	63
глава 2. Бомж	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Суворов

Будни выходных и праздников поручика XXI века и его друзей

Предисловие

Приехав в крупный город – миллионник и пожив там какое-то время, человек привыкает к нему. И город уже не кажется ему таким уж чужим и огромным, как считается – мегаполисом. Становится своим, родным.

А приехавшему в маленький городишко, в самом начале пребывания в нём, когда ещё не изучены даже самые главные его улицы, может показаться, что город большой, абсолютно чужой и даже враждебный.

Каждый город, маленький он или большой, так или иначе влияет на своих жителей. И секс в каждом из городов свой, особенный.

СЕКС немного доступнее тем, кто при деньгах. Деньги решают многое, но не всегда нужно потратить кучу «бабок», чтобы получить желаемое. Бывает достаточно сказать что-то приятное, подарить какую-нибудь безделушку или спеть песню, если умеешь, а может, даже пристальный взгляд или как будто случайное прикосновение поспособствует тому, чтобы расположить к себе предполагаемого партнёра. А бывают случаи, когда простой разговор на отвлечённую тему может довести до постели.

Сексом всё-таки занимаются люди, а не города. И поэтому, как принято говорить: «секс, он и в Африке – секс». Открытый, раскованный, голый. Дешёвый, шикарный, продажный. Скромный, красивый, до безобразия грязный. Жестокий, чувственный, групповой. Но всегда такой приятный, что не устаёшь им наслаждаться, в каком бы городе он не совершался. Так давайте наслаждаться им вместе.

Больница № 6

глава 1. Три шестёрки

Он выбежал из подъезда.

Невысокое – в одну ступеньку крыльцо. Метров пять после него, и две бетонные низкие ступени отделяют бегущего от торца огромного строевого плаца. Слева и справа от этих ступеней – зеркала с надписью сверху: «ЗАПРАВЬСЯ!», а дальше, в стороны от зеркал – баннеры со строевыми приёмами, образцами формы одежды, и тому подобными картинками.

«По плацу бежать нельзя! Не положено, – возникло у него в мозгу. – Но у меня особый случай!»

По обеим сторонам от плаца – двух-трёхэтажные постройки: учебные корпуса, казармы, спортзал. Ближе к концу плаца, с левой стороны, одноэтажный барак – казарма шестой учебной роты. Его роты. Позади казармы, в глубине, штаб тыла и контрольно-пропускной пункт.

Прямо за плацем, во всю его ширину – солдатский клуб. За клубом ещё какие-то строения: штаб части, спортивные и учебные площадки, столовая, учебные корпуса, казармы, баня, санчасть.

Выбегал он из одноэтажной казармы четвёртой и пятой рот – его второго батальона. По бокам этого длинного подковообразного здания расположены пятая и четвёртая роты. Между ними – штаб батальона. Он выбегал из штаба, от комбата.

Комбат – подполковник Флёров. Нормальный мужик. В меру жёсткий, но достаточно лояльный – понимающий. Со смешным дефектом речи. Чуть ли не через слово: «дэть-на́рыть». Иногда слышится: «блять-на́рыть». Слово «блядь» в его произношении именно с буквой «т». Дефект, первое время режущий слух и вызывающий у большинства «слушателей» смех, а от всего этого в совокупности – чувство неловкости. Особенно сильно неловкость испытываешь, когда являешься невольным свидетелем того, как Флёров общается с женщинами и в особенности в присутствии детей или подростков, уже кое-что понимающих в матерном лексиконе. Как они, после произнесения заветного: «блять-на́рыть», удивлённо вытаращив глаза, заглядываются на него: «А не показалось ли мне?». Со временем привыкаешь и совсем почти перестаёшь это замечать, вслушиваясь только «в основной текст» его речи.

Бежит через плац, кепку снял. Лето. Жара. Июль. Почти, как в песне «Иванушек» получилось. Только самого пуха нет. По всему городу ведётся борьба с «пушистыми» деревьями. По спиливали все тополя. Сегодня он в камуфляже «четырёхцветке». Обычный «хэбчик»¹, только не в три, как в российской армии принято, а в четыре цвета раскрашен. Он со «срочки»² в отпуск в этой форме ездил. Тогда она вся разукрашенная была: с шевронами и другими нашивками, в обрамлении из белого парадного ремня, с аксельбантами. В то время ещё новая. Сейчас уже стиранная много раз, слегка полинялая. Он её своему коллеге по срочке, на дембель давал. Думал, больше не пригодится. Хорошо, что тот её вернул, по почте. Теперь на форме, тоже нашивки есть, но только для того, чтобы прикрыть следы от клея. Шевроны, на основе и с окантовкой из парадных белых ремней, на клей «сажал». Чтобы они не гнулись и не мялись. Это круто считалось. И белоснежный глянцевого кант эффектно смотрелся. Сегодня он, в этой форме. Обычно, в другом «комке» (камуфляже) бывает, натовском, красивом, удобном, прорезиненном. Который на пятом курсе покупал, для поездки на стажировку. Кепка, как раз, от того, другого «комка», от натовского. От этой четырёхцветки, у него, кепки не было, а штатную носить не хотелось, не солидная она. В полуботинках – туфлях. На ходу позвонил Лёне Бусынину. Майору, своему командиру роты. Сказал, что убежит. Что комбат отпустил. А так Леонид был уже в курсе, куда бежит его подчинённый.

¹ Хэбчик – военная полевая форма из хлопчатобумажной (х/б) ткани.

² Срочка – срочная служба, от слова «срок», служба по призыву, солдатом.

Лёня был человек сурового вида. Суровости его виду придавали и его размеры. Он был большой и в высоту, и в ширину. Увидев его впервые, особенно когда тот стоял, возвышаясь над тобой со своим свирепым выражением лица, испытываешь неловкость и опасение, как бы он в следующую секунду не накинулся на тебя с кулаками. Но узнав его поближе, эти чувства сменяются чувством спокойствия и веселья. Несмотря на свой вид всё-таки он был человек мягкий по характеру и весёлый по натуре. Всегда шутил и не только с офицерами, но даже и с сержантами. Хотя к сержантам мог проявить и строгость, и не редко это делал, особенно если те его подставят своим ненадлежащим поведением. К офицерам был менее строг, в большей степени отмалчивался, даже если из-за них ему попадало от начальства. Да и вообще по большей части был молчуном со строгим взором. Но если начинал говорить, то обязательно с шуткой и всегда при этом улыбался.

Бежит через КПП³. Боец на решётке щеколду открыл, в воинском приветствии в струнку вытянулся. А он бежит. На маршрутку. Ему очень надо.

Да! Кстати. Знакомьтесь! Он – этот бегущий человек – это, меньше месяца назад, новоиспечённый старший лейтенант Соловьёв Иван Сергеевич. Командир одного из учебных взводов волжской учебки, что в Волгоградской области. Выпускник 2004-го года, Высшего Военно-Инженерного Училища, которое располагается в городке Кстово, Нижегородской области. Но про училище в другой раз.

Маршрутка номер шесть. Забежал. Проезд – 6 рублей.

«Одни шестёрки вокруг! Рота шестая. Маршрутка номер шесть. Проезд, и тот – 6 рублей. Хорошо, что хоть взводов только три, а то и взвод бы мог шестой достаться, – думалось Ивану. – Ну да ладно! Какая разница? Хоть тринадцатый. Да хоть шестьсот шестьдесят шестой! Я не суеверный. Да и не до этого сейчас!»

Едет. Волнуется.

Доехал до нужной остановки. Из маршрутки, через подворотни, бегом к дому.

Вдоль дороги дома новые высотные девяти-, двенадцати-, шестнадцатизэтажные. В глубь дворов – домишки постарше – середины ХХ века, трёх-четырёхэтажки.

Вот и его дом. Крайний справа подъезд. «Взлетел» на третий этаж. Маленькая площадка. Квартира сразу у лестницы справа.

Открывает, гроыхая ключами о железную без обивки и звукоизоляции дверь. Это первая – металлическая, так сказать, «стальной лист на каркасе». За ней вторая, старая дверь, деревянная. С советской дерматиновой обивкой синего цвета. С уже кое-где отлетевшими гвоздиками, и от этого не натянутыми, болтающимися, закручивающимися струнами. С разорванным дерматином и выглядывающей из-под него ватной набивкой.

Вошёл. Тишина.

Квартира – «трёшка», «хрущёвка». А если быть точнее – четырехкомнатная. Четвертая комната крохотная, размером с небольшую ванную. От пола до потолка увешанная православными иконами, разных размеров и форм. Заставленная, каким-то хозяйским хламом: мешки, тряпки, тумбочки, чемоданы – наступить некуда. Комната не запертая, но входить туда желающих было мало да и незачем. Если только из любопытства. Поэтому и «трёшка».

За входной дверью маленькая и узкая прихожая. Слева стена с крючками для одежды. Иван повесил туда кепку. Прямо в конце прихожки маленький комодик с трельяжем. На комод под зеркалом – городской телефон. Справа две двери: первая всегда открыта настежь – в узкую длинную кухню; вторая – вход в зал или в гостиную. Большую из комнат с выходом на балкон. Общая. Оборудованная телевизором. Обычно, сами «хозяева», в ней не ночуют, у них, для этого спальни есть. Только для гостей. А также для просмотра телевизора и для совместных посиделок всеми жителями квартиры и их гостями.

³ КПП – контрольно-пропускной пункт.

Заглянул в кухню.

«Никого», – подумал он. – Здесь тоже пусто, – уже вслух, констатировал Иван, заглядывая в гостиную.

В конце прихожки коридор уходит влево. Он такой же узкий, но немного длиннее. Слева дверь в туалет, чуть дальше – в ванную.

«Свет не горит, значит, там никого нет», – вывел он.

Прямо возле трельяжа и напротив входа в квартиру, дверь в таинственную четвертую комнату.

«Там её точно быть не может, – продолжали пробегать мысли в его голове. – Туда вообще никто, никогда не заходит. А она, и подавно».

Иконы православные, Розана татарка, мусульманка. Она даже боится туда заходить.

Справа по коридорчику напротив двери в ванну – их с Розаной спальня.

Там тоже никого.

Прямо в конце коридора комната соседа Олега и его подруги. С Олегом Ваня «на двоих» хату снимает. Розана туда обычно тоже не заходит. Тем более сейчас там её быть не может, но всё же заглянул.

Пусто.

«Опоздал», – подумал он.

Звонит:

– Ты где?

– В больнице уже... «Скорая» приезжала... – со всхлипываниями ответила Розана.

– Какая больница?

– Шестая. Городская...

– Еду.

«Опять, шестая... – снова подумалось ему. – Преследует меня эта цифра. Ладно. Я не суеверный».

Выбежал на улицу. Через дворы, бежит к дороге. С руки, поймал «тачку». Едет в больницу.

Да! «Куда же он, всё-таки бежит?» – спросите вы. – «Кто в больнице? Почему?»

Его жена. Розана Загибова. Гражданская жена. Поэтому и фамилии разные.

Нет. Не рожает. Живот болел. Сильно болел. Что-то по-женски.

Приехал в больницу. Прошёл в приёмный покой.

В широком тамбуре справа деревянное с многослойной бежевой окраской двухстворчатое окно, как окно раздачи пищи в столовой.

Разузнал что-где. Где Розана? Что с ней? Как к ней пройти?

Ему сказали, что к ней пройти нельзя, можно только подождать в коридоре направо. Что её сейчас вывезут.

Прошёл в конец тамбура, за глухие двухстворчатые двери, сейчас распахнутые – лето. Попал в узкий коридорчик, ведущий направо, огибая будку с окошком. Выход из него через двухстворчатую дверь, с мутными толстыми зеленоватыми стёклами. За дверью, пустой длинный широкий коридор, расширяющийся вправо, так как на уровне дверей, задняя стенка будки приёмного окошка в стене дверь для прохода внутрь будки. Стены и двери такого же бежевого цвета. На полу коричневый кафель, с редкими вкраплениями белых, но уже пожелтевших плиток. Справа большие окна. У подоконников стояли, отдельно друг от друга, несколько человек. Видимо, тоже кого-то ждали. В левой стене посередине коридора двухстворчатая широкая деревянная дверь с табличкой: «Посторонним вход запрещён».

«Надо ждать здесь, – осматриваясь, думал он. – Сейчас должны вывезти. Вывезти?! На каталке что ли? Тут даже присесть негде. Хотя, что это я? В армии тоже обычно в коридо-

рах сидений нет. Мы военные к этому привыкшие. Да и смогу ли я сейчас вот так спокойно сидеть?»

Волнуется. Места себе не находит. Ходит туда-сюда, как тигр в клетке.

«Хорошо, что военные туфли на мягкой подошве и с мягким каблуком, не стучат, – сообщил он, – а то сейчас начали бы фыркать. И так-то вон посматривают недовольно, как я хожу».

Вывезли.

Пухлая круглолицая санитарка с недовольным лицом натужно сдвигая после остановки, но сдвинув с места уже непринуждённо толкала перед собой большую, но очевидно нетяжёлую каталку.

Розана лежит на каталке. Дрожит. Плачет. Прикрытая аккуратно заправленным шерстяным тёмно-коричневым одеялом.

«Заправлено прям как по-армейски!» – всплыло у него в мозгу.

Простыня к телу, сверху одеяло. Простыня загнута сантиметров на двадцать, со стороны головы, поверх одеяла. Такие же белые – простыня на матрасе и наволочка на подушке.

Он подошёл к каталке. Взял Розану за правую руку.

Рядом с каталкой шёл мужчина. Высокий темноволосый с аккуратной бородкой. В белом халате и в очках с чёрной тоненькой оправой. Видимо врач. Напомнил Соловьёву, по внешности, его друга – Бороду. Тоже в очках с чёрной, только потолще, оправой, тоже с бородкой, тоже в халате, тоже медик. Только его друг ростом небольшой.

Мужчина с бородкой спросил у Ивана:

– Вы Загибов?

– Ну... э... да... – немного растерявшись, кивнул он.

– Вещи заберите... – вежливо сказал врач, потом задумавшись, добавил: – Из-под одеяла тоже.

Часть вещей: верхняя одежда – джинсы, кофточка лежали в ногах на одеяле. Заглянул под одеяло. Нижнее бельё и футболочка лежат рядом с ней. Она голая. Только огромная прокладка между ног, изнутри испачканная кровью. Кровь немного проступила и на наружную сторону прокладки, пропитавшись насквозь.

У неё когда месячные, то как из ведра льёт. Сама главное пигалица, ростом меньше ста пятидесяти, а кровищи идёт – море. Нужны самые большие, самые впитывающие прокладки. Десять капель. Соловьёв теперь в этом разбирается немного.

– Не переживайте, – улыбнулся доктор. – Ничего серьёзного. Острый аппендицит.

– Угум... – покивал Иван с озабоченным лицом, собирая вещи в пакет.

Санитарка, что-то всё время щёлкая, ковырялась в каталке под лежаком.

– Тебе сколько лет-то? – спросил доктор у Розаны.

– Ди-ви... нацать... – проговорила она, всхлипывая.

– Сколько? Двенадцать? – усмехнулся он. – А чего тогда не в детской?

– Ди-вит-на-цать, – стараясь, на этот раз максимально разборчиво выговаривать, сказала она.

– А-а-а-а... девятна-а-адцать... – растягивая, покивал он головой, и снова обращаясь к Соловьёву, продолжил: – Обострение, как правило во время месячных происходит. Я так понимаю, во время месячных, всегда сильно болит? – задал он риторический вопрос, переведя взгляд на Розану и, как бы сам себе отвечая, покачал головой. – Сейчас операционную готовят, быстренько удалим! И всё! Заберёте свою малявку!

Говоря про удаление, он повёл указательным пальцем на уровне своих глаз, как будто сделав надрез, при этом внимательно следя глазами поверх своих очков за «разрезом», а договорив – улыбнулся.

«Весёлый такой. Улыбается всё время», – подумалось Соловьёву.

– Я не малявка... – обиделась Розана.

– Да не обижайся. Я пошутил, – он потрепал её за другую руку, потом слегка нагнувшись к её лицу и мило улыбаясь, тоном, как говорят детям о том, что те уже большие, добавил: – Ты взрослая женщина.

Затем, он медленно пошёл, ковыряясь в карманах халата, куда-то вдаль по длинному коридору в сторону дверей, стоящих напротив тех, в которые Иван вошёл, попав в этот «коридор ожидания».

Когда врач почти дошёл до конца коридора и уже протянул руку к дверям, тоже со вставками из мутных зеленоватых стёкол – они распахнулись. Оттуда выбежала ещё одна, более стройная и симпатичная санитарка, чуть запыхавшаяся и растрёпанная со сдвинутым набок чепчиком.

– Э-э-э... всё готово! – запнувшись, сказала она, проехавшись на своих тапочках от резкой остановки по скользкому сухому кафелю, немного опешив перед неожиданно для неё оказавшимся уже так близко с ней врачом, назвав его по имени отчеству.

Он махнул рукой санитарке с каталкой, подзывая её за дверь.

Розану увезли.

Соловьёв снова заходил, как зверь в клетке. Мысли путались. Но он был спокойнее, относительно того состояния, в котором прибывал до разговора с врачом.

«Всё нормально! – думал он. – Аппендицит – это ерунда! Всё нормально!»

глава 2. Розана

Розана – маленькая, миниатюрная девушка. Можно даже сказать – девочка. На вид ей лет четырнадцать–пятнадцать, а на самом деле по паспорту – девятнадцать. Что-то в ней такое карликовое, что ли есть. Хотя с пропорциями всё как надо. Но от миниатюрности складывается ощущение того, что она всё-таки малолетка. Маленькая собачонка – до старости щенок. Черноволосая, с длинными, почти до пояса, прямыми волосами, черноглазая, миловидная татарочка.

Волосы – чёрные как смоль, с синим отливом, всегда аккуратно уложенные при помощи гелей, муссов и лаков. Как правило, приглаженные, с чётким пробором. Всегда минимум макияжа. Ресницы и без туши чёрные, их и так хорошо видно, красить не обязательно. Только они не пушистые. Тушь придаёт объём и немного удлиняет. Глаза вот, так же как и весь организм, маленькие, поэтому их надо подводить карандашом для эффекта увеличения. Но и без подводки – ничего. На фоне общей миниатюрности глаза не кажутся такими уж маленькими. Чёрные тонкие брови. Губки хоть и тонкие и бледненькие, но красит она их довольно редко, а если красит, то почти всегда ярко. Лицо гладкое, без изъянов. Единственный недостаток, бросающийся в глаза, нет верхнего второго справа зуба. Но по приезду в Волжский, Иван отвел её к частному стоматологу, практикующему в собственной квартире, и он ей, вместо импланта, сделал временный вставной зуб. Который легко вставлялся и снимался. Выполнен он был отменно, и, будучи на месте, выглядел как родной. Ногти, чаще короткие, потому что ломкие, но всегда ухоженные, окрашенные, как правило, ярким лаком. На ногах тоже. Круглый год одинаковые и на руках, и на ногах.

Ване, ярко-красные ногти на ногах, всегда нравились, возбуждали.

Одеваться Розана старается красиво. Высокие каблуки любит так же как кроссовки и другую удобную обувь, и достаточно часто их носит. Встав на каблуки, она ростом Соловьёву становится до половины головы, а без них так и вообще – по уровню плеча. А он ведь не великан, всего 173 сантиметра.

Фигурой Розана в общем обладает не плохой. Очень худенькая. Как про таких говорят: «кожа да кости». Попка – как орешек. Орехом назвать, который на грех проситься, язык не поворачивается. Но просится и ещё как, ого-го!

Ножки тонкие. Довольно прямые, но смыкаются меж собой только в лодыжках. Даже несмотря на то, что коленные суставы на общем фоне несколько увеличены, колени друг друга всё равно не касаются. Если она встанет прямо по строевой стойке, то от лодыжек до промежности, в любом месте между её ногами, поставив ладонь вертикально на ребро, можно просунуть руку. И даже почти не цепляясь за внутренние части ног, только если в районе коленей, можно провести рукой туда-сюда – сверху-вниз и снизу-вверх. Что Соловьёв периодически и делает. Чаще, конечно, не от лодыжек, а от коленей, к заветному паху. И это сильно будоражит его либидо.

Розана очень стесняется своих «больших» коленей. Юбки не носит. В крайнем случае, если юбка ниже колен. Но приехав в Волжский, она не привезла с собой ни одной юбки.

Она не является обладательницей тонкой осиной талии. Её туловище от подмышек до бёдер, если она обнажена, почти прямое, без изгибов в талии к утончению оной. Но в общем, повторюсь, фигуру имеет. Улучшая её, подчёркивая правильно подобранной одеждой.

Ещё эффект тонкой талии даёт грудь. Тоже не приравненной к сверхбольшим размерам. Размер – первый. Максимум – «полтора», но с большой натяжкой. Зато высокие. Стоячие. Выглядящие по пропорциям внушительно-солидно. Подружки, имеющие чашечки большего размера, завидовали: «Вот бы мне такие...».

Отношения Соловьёва с Розаной начались еще когда Иван учился в военном училище.

Она в то время работала официанткой, в так называемом «курсантском баре», в клубе на территории училища.

На четвертом и в начале пятого курсов Ваня занимался творчеством в этом клубе, в составе музыкального рок-коллектива, под штатным военным названием «Рубеж». А, находясь в непосредственной и постоянной близости с этим баром, весь состав группы нередко «зависал» там.

Сначала, это было просто общением. «Рубеж» приходили в бар, покупали там что-нибудь: пельмени, мороженное, сосиски и прочее. Сидели, разговаривали, пользовались услугами молодой, семнадцатилетней, выглядящей на тринадцать, официантки и её помощницы. Иван, так же как и все, шутил, подмигивал ей, делал какие-то знаки внимания, комплименты. Но она была неприступна как скала. Не давала себя, не то, что поцеловать, даже обнять или потрогать её было проблематично. Всё время изворачивалась. А уж о том, чтобы дать себя зажать в каком-нибудь углу бара, чем, кстати говоря, не брезговала её помощница, вообще не могло идти и речи. За этакое и пощёчину могла вцепиться.

Помощницей была её подруга Нина. Всем нравилось называть её – Нинель. Про Нинель – отдельно. К ней мы кратенько вернёмся чуть позже в другой истории.

В конце пятого курса, месяца за четыре до выпуска, новый начальник училища разрешил курсантам, из числа отслуживших военную службу по призыву до поступления в военное образовательное учреждение профессионального образования, на тех же условиях, как и женатым курсантам – увольнения на ночь. Собственно по Уставу так и было положено, цитата: «... освобождаются от размещения в казармах с первого года обучения». С «женатиками» такая практика в училище была заведена уже давно.

Соловьёв внезапно вошёл в число счастливиц. До этого безуспешно добивающийся нечто подобного с самого первого дня обучения, а так как безуспешно – уже смирившись с судьбой-злодейкой и, после окончания второго курса, прекративший производить какие-либо действия, направленные на то, чтобы добиться «правды» от несгибаемого руководства училища. Но теперь он вдруг подпадающий под эту категорию «увольняемых на ночь», решил-таки непременно воспользоваться данной ситуацией, в неожиданно для него самого и ещё нескольких его коллег по несчастью, положительно разрешившейся проблеме.

За три месяца до выпуска он и ещё несколько его коллег по учёбе с его курса (роты), включая весь состав группы «Рубеж», всего человек десять, скинулись и, подыскав подходящий вариант, сняли квартиру неподалёку от училища. Причём в том же самом доме и в том же самом подъезде, где и проживала Розана. Это без сомнений была удача. Это был знак, может быть. Но то, что это была удача это точно.

На этой квартире проходило много вечеров – «сейшенов», и чаще, конечно, в пьяном угаре. Но случались и «трезвые вечеринки».

«Трезвые вечера» протекали, как правило, в будни дни, и особенно перед зарплатой, когда деньги на проведение «сейшенов» уже закончились. На хате в такие дни было скучновато, но всё же небольшое количество увольняемых из расположения училища приходили отдыхать от надоевших казарменных будней. Пятому курсу разрешили увольнения вместо ужина, до вечерней поверки. Вот в один из таких «трезвых вечеров» и были приглашены Розана с подружкой. Впрочем, они всегда были приглашены. И не только они. Для многих других девушек двери «хаты» всегда были открыты.

Вечером к назначенному часу все увольняемые, не подпадающие под категорию «на ночь», а это все, кроме Соловьёва, должны были явиться в училище. И «хата» единомоментно опустела.

Ваню Розана привлекала не только своей внешностью: миниатюрностью и миловидностью, но и тем, что она в отличие от своих подружек, обожающих не только мужское внимание, но и их руки, и тела, и половые члены. Розана в этом плане была очень скромной и недоступ-

ной. Добиваться женщину всегда интересно. А тут ещё и обстоятельства так сложились, что можно в квартире побыть наедине. Ну или почти наедине, Нина – «свой пацан», она не в счёт. Вот Иван и предложил Розане остаться «у него дома» после того, как все разойдутся. А ещё на это его подтолкнуло то, что они весь вечер оказывали друг другу взаимные знаки внимания. Лёгкий флирт, нежные прикосновения, подмигивания, пылкие взгляды, шуточки, улыбочки и тому подобные шалости. А тут ещё и фортуна – Нинель удачно так решила, что она: «Тоже пойдёт». Хотя её вдвоём и Иван, и Розана уговаривали остаться, если она, конечно, сама этого хочет. Но она не захотела. Ушла вместе со всеми. Зато захотела Розана.

Оставшись наедине, они набросились друг на друга. Скорее, что Иван набросился на Розану, а она была не против, в отличие от своей позиции в баре. И стали страстно, с языком, целоваться. Целовалась Розана абсолютно не умело, но весьма старательно.

Иван попробовал поласкать её спину, плечи, ноги. Всё складывалось хорошо. Но перейдя к интимным местам, он получил аккуратный, но твёрдый отказ. Целоваться, конечно, из-за этого не прекратили, что же теперь – «выгнать её, что ли?». В лобызании уст без продолжения тоже свой особый кайф есть. Ну и, заглядывая на перспективу, не стал он сходу «рубить с плеча».

Но и в следующий раз, как-то «не пошло». И потом тоже...

Вот тогда Иван задумался и немного «остыл» к ней. И, не найдя в ней желаемое, переключился на другие «объекты». Интересно, конечно, добиваться женщину. Как известно – не дающих нет! Но курсанты до баб голодные и им нужно здесь и сейчас. Даже героиня детектива «Любовница смерти» Бориса Акунина Лорелея Рубинштейн – умудрённая жизнью московская поэтесса поучала свою молодую провинциальную подругу обращению с мужчинами. Сутью её поучения было то, что дама должна владеть одним секретом. Потому что если его не знать, то мужчины могут быть непредсказуемыми и даже опасными. А обладая этим знанием – ими легко управлять, потому что, по сути, они примитивны. Какими бы великовозрастными и влиятельными они ни были, всё равно где-то в глубинах сознания остаются детьми. И чтобы мужчина был послушным, обращаться с ним нужно как с молодым псом крупной породы – зубы у него выросли, и дразнить кобеля не стоит, но бояться тоже не нужно. Можно с ним поиграться, почесать за ушком, поманить косточкой, но главное не затягивать процесс подмигивания, ни то есть риск, что он обратит своё внимание на другую косточку, более доступную. А если следовать этим правилам, то мужчина будет весьма милым, покладистым, неприхотливым, полезным и благодарным созданием. Ну а каким боком тут Розана может быть причастна, так это то, что касается косточки. Вот у Вани терпения на её «косточку» и не хватило.

После попыток расположить к себе Розану, у него отношения с другими представительницами прекрасного пола, замечательного городка Кстово, развивались достаточно бурно. Всё в той же «хате», всё на той же кровати, а говоря по-военному – всё на том же «театре военных действий». На одном из случаев мы остановимся, но тоже не сейчас. А прибыв по распределению в город Волжский, где на данный момент и разворачиваются события с беготнёй, Ваня заскучал. Хотя жизнь в Волжском, в отношении «общения» с женским полом, назвать скучной трудно. Но у него всё же получилось. Не то чтобы совсем заскучал. Но все эти мимолётные отношения были не тем, чего хотела его душа. И, в какой-то момент, в очередной дружеской смс переписке он предложил Розане приехать в Волжский. Чем, конечно, вызвал у неё удивление.

«Ведь мы друзья!» – писала она ему в ответ.

«Я знаю, из достоверных источников, о том, что я тебе нравлюсь. И ты мне не безразлична. Поэтому – приезжай!» – продолжал настаивать он.

«Приеду...» – недолго сопротивляясь, сдалась она, под напором силы и красоты русского офицера. Тем более Иван был прав, что нравился ей.

глава 3. Глубже...

Минут через двадцать за дверью, в которую увезли Розану послышались шаги, шарканье, голоса. Дверь с грохотом распахнулась.

Та же санитарка толкала перед собой каталку с Розаной, накрытой с руками по шейку тем же одеялом. Всё так же рядом с каталкой шёл тот же врач. Только теперь на его грудь свисала хирургическая повязка. Он так же мило, тоном общения с ребёнком, разговаривал с приходящей в себя от наркоза, но всё ещё находящейся в бреду пациенткой. Она что-то сказала ему, а он, удивлённо приподняв брови, спросил:

– Муж у тебя есть? – он закусил губы и, выдержав паузу, добавил: – Как мужа-то зовут?

– Ва-аня... – протяжно отвечала она, закатывая глаза и расплываясь в улыбке.

Она вдруг резко приподняла голову, смотря сквозь подошедшего к каталке Соловьёва, испуганно выпучив ходящие по кругу и никак не могущие сконцентрироваться на определённой точке глаза, словно у сильно пьяного человека.

– Надо же завтрак приготовить! – всё ещё безуспешно пытаюсь остановить на Иване свой взгляд, но так и не узнавая его, сказала она. – Как он на работу-то пойдёт?

«Работой», а не службой было принято называть офицерскую деятельность ребят: Ивана и Олега.

– Не переживай, – спокойно отвечал ей хирург, – Ты же утром, уже всё приготовила. Не помнишь разве?

– А... да... точно... приготовила... – якобы вспомнив об этом, медленно опуская голову на подушку, закатывая неслушавшиеся глаза, растягивая слова, и с паузами, заключила она.

Её увозили в те же двери с запретом входить посторонним.

– Всё прошло успешно! – теперь обращаясь к Ивану, всё так же улыбаясь, констатировал хирург.

Иван молча кивал головой.

Они оба провожали взглядом каталку. Двери на пружинах тихо, словно двери автомобиля или даже холодильника захлопнулись за санитаркой. Косяки дверей были аккуратно обиты кусками шерстяных больничных одеял, видимо как раз для исключения грохота при закрывании и, возможно, для устранения поддувания из щелей.

– Вы поезжайте домой. Не переживайте. А завтра в часы посещения... – врач задумался, сдвинув брови и подняв глаза вверх, машинально подёргивая рукой, дабы вытряхнуть из рукава часы, – С пяти... до семи. Да!.. – доктор подтвердил свои слова, взглянув теперь на часы и ткнув указательным пальцем в циферблат, а после, вздыхая, перевёл взгляд на Ивана и добавил: – Тихий час у нас с двух до четырёх. Приходите с апельсинками.

Он с улыбочкой растянул последнее слово, кивнув при этом головой и аккуратно взяв Ваню за плечо. Потом он написал в своём малюсеньком блокнотике с одной стороны листка – список продуктов, которые нельзя употреблять после операции, а с другой – которые нужно. Оторвал листок, отдал его Ивану, а сам ушёл вслед за каталкой.

Повертев в руках листок, читая список, Иван тоже медленно побрёл на выход.

От больницы до дома пешком идти «прилично» – минут 20–25. Можно, конечно, на маршрутке, но спешить было некуда. Дома его никто не ждал. На «работу» тоже не нужно было возвращаться. Решил шесть рублей сэкономить. Да и: «Почему бы, при наличии времени, не прогуляться по хорошей погоде?».

Шёл медленно. Долго. В голове – бред какой-то. В глазах стояла картина, которую он видел в больнице, заглянув под одеяло: вида голого розаниного тела с огромной окровавленной прокладкой между ног.

Голое тело, конечно, возбуждало. Но вид портила кровавая прокладка. Просто прокладка не придаёт сексуальности, а окровавленная – и тому подавно.

Зайдя домой скинул ботинки. Зашёл на кухню, выпил кружку воды. Прошёл в свою комнату.

Комната с минимум мебели. Заходишь, дверь открывается внутрь, вплотную примыкая к правой стене. К этой же стене изголовьем, а ногами к окну стоял диван. У окна, в так называемом красном углу – шкафчик. На окне шторы без тюля. По большому счёту и шторы были не нужны и прибывали всегда в раскрытом состоянии. Сторона не солнечная. Под окном высокие, выше окна, деревья. А за окнами на сотни метров нет домов. Сеть каких-то пешеходных дорожек, игровые площадки, места для сушки белья, маленькие и большие, но все одноэтажные магазинчики. Окно естественным ландшафтом полностью защищённое от посягательств любителей поглазеть в подзорную трубу. Только звёзды и луна, безмолвные свидетели происходящего в комнате. Вдоль стены, разделяющей спальни соседей Олега и Ивана, у окна – письменный стол, у двери – крючки для одежды. Вдоль комнаты, почти на всю её длину, лежал палас: старый советский вязанный половик, тонкий, без ворса, который Ваня в прикол называл «персидским ковром». У изголовья дивана, возле двери стоял стул.

Снял форму, бросил её на спинку стула. Упал на диван.

В глазах стояла всё та же картина с окровавленной прокладкой. Иван стал отгонять её, вспоминая приятные моменты, проведённые с Розаной.

Вспомнил, как она приехала к нему, а он опоздал к прибытию поезда, и она сидела на корточках на перроне возле сумок. Как вскочила и радостно побежала к нему на встречу, когда он появился. Таким – в натовском комке она его ещё никогда не видела. Видела в обычном трехцветном курсантском камуфляже, в парадной форме курсанта и на выпуске – в лейтенантской парадке.

Как они провели первую совместную ночь. У неё месячные ещё не совсем закончились, но это не остановило их обоих. Что она, к Ваниному удивлению, совершенно не стеснялась его, а даже наоборот наслаждалась тем, что он внимательно рассматривает её обнажённое тело в лунном свете, падающим на неё из окна.

Тут же вспомнилась полу-эротическая смс-переписка, после того как она согласилась к нему приехать, но долго ещё не могла этого сделать. Как он сначала скромно писал ей о том, что хочет её целовать и даже потрогать. А она отвечала, что стесняется. Потом более смело писал, что обнимает её, гладит ей руками по спине, целует. А она, после того как он уже перешёл к чему-то другому и как ему показалось не в тему, как-то глупо и по-детски, но очень мило ответила, что нежно целует его в шею.

Как он уже в реальности целовал её в губы, в шею. Ласкал языком мочку уха. Облизывал, целовал и покусывал возбуждённые соски на маленьких грудях.

Кстати соски это единственное в её теле довольно быстро возбуждаемое. Возбуждение других частей тела и тем более выделение нужных для секса ферментов – влагалищной смазки, было занятием трудоёмким и практически бесполезным. Поэтому они постоянно прибегали к помощи специальных лубрикантов.

Желания к соитию у Розаны тоже не было. Только, почему-то во время месячных. А в остальные дни она просто исполняла свой «супружеский» долг. Но в середине полового акта возбуждение к ней всё-таки приходило. И желание тоже. И свой оргазм она тоже получала.

Он вспомнил, как она в первый их раз боялась запачкать кровью своих месячных, как она выразилась: «казённую простыню».

Как, перед заступлением в наряд, или в выходной день, когда они именно солнечным днём были дома одни, он приказал ей раздеться догола и сказал, что сейчас придет и будет её кусать. А зайдя в спальню, тоже раздетый, но в трусах, увидел её, стоящую к нему спиной, лицом в сторону дивана, делая вид, что стесняется, прикрывая свои и без этого не доступ-

ные его глазу прелести, на абсолютно голеньком почти детском тельце. Как он, властно, но не сильно, толкнул её, а она с задорным смехом какой-то детской радости упала ничком на диван, а он накинудся на неё и начал кусать в спину, в шею, в ягодицы. Сильно кусал, до боли, но такой, что на грани: уже вроде и больно, но ещё приятно. Как, схватив её за локти, грубо поднял и перевернул к себе лицом, и снова бросил на диван, теперь лицом вверх, и начал целовать её лицо, шею, грудь, живот.

Вспомнил, что как-то перед сном, в ночь с полной луной, он лежал на диване абсолютно голый, не прикрываясь одеялом. Кроме Розаны в доме никого не было, сосед дежурил в наряде. Левая Ванина нога лежала прямо. Правую ногу, положив ступню на левое колено, он откинул в сторону и ждал Розану из ванной. Его половой орган был спокоен и лежал на правой ляжке.

Она вошла в красном лёгком шёлковом атласном коротком халатике с картинками в японском стиле. Подошла к дивану и, прислонившись к нему коленями, выпятила свой живот, халатиком нависнув над левым плечом Ивана, ковыряясь в своём новом телефоне-раскладушке, который Ваня ей на день рождения подарил.

Он приподнял левую руку, оказавшуюся в зоне «нависания халатика», отодвинул его левую полу, разглядывая, что находится под ним.

Розана, не обращая на это внимания, продолжала тыкать в кнопки телефона.

Иван медленно повернулся на левый бок, лицом к ней, и отодвинул другой рукой вторую полу халатика. На ней не было нижнего белья.

Раздвинутые полы халатика спровоцировали расползание легко прихватывающего их пояса. Он развязался и скатился по гладкой поверхности халата. Ваня отпустил полы, пропуская сползающий пояс, и снова развёл их, обнажая животик подружки.

Только теперь Розана обратила на происходящее своё внимание. Захлопнув створки телефона, положила его на стул и, сведя плечи назад, потянув своими пальцами за борта халатика, помогла развести их в стороны, обнажив груди и плечи. Халатик бортами зацепился за соски и не мог без помощи хозяйки сдвинуться дальше. Теперь, после того как она помогла – халатик легко соскользнул с плеч на локтевые суставы. Она опустила руки и халат упал на пол. Положив подбородок на грудину, она молча смотрела на Ваню. Волосы чёрными струями водопадов стекали к ней на грудь.

Худое немного анорексичное тело осветилось лунным светом. Ключицы сильно выпирали. Маленькие груди высоко стояли. Рёбра явно проступали из-под натянутой кожи, хорошо просматриваясь. Животик слегка выдавался вперёд, но, обусловлено принятой позой, был немного втянут и от этого имел плоский вид. Кости верхней части таза сильно выпирали. Худые тонкие ноги стояли прямо, немного наклоняясь вперёд, в сторону Ивана. От напряжения казались ещё тоньше. Они были сомкнуты насколько это было возможно. Ваниному взору предстала «арка», очерченная, с боков – ногами, а сверху – промежностью. Лобок был тщательно выбрит.

«Удивительно! – подумал Иван. – Обычно тонкая полоска посередине. А сегодня сюрприз!».

В промежности у Розаны было темно. Но на фоне светлой, освещённой луной двери он силуэтно, словно в театре теней, видел, как её большие половые губы, и до этого момента никогда не смыкавшиеся между собой из-за худобы, а сейчас ещё сильнее раздвинутые натянутой на животе и лобке кожей и, увлекаемая за собой малые, раздвигали и их. Вверху «разреза» половых губок – темнел клитор.

От созерцания просвета между ногами и тем более от просматриваемого прогала между малыми половыми губами Розаны у Ивана начал пульсивно наливаться кровью «инструмент» любви.

Ваня протянул руки к её животику. Погладил вверх-вниз. Перевёл руки на бёдра. Погладил бока бёдер. Потом талию. Затем ушёл на ягодички. Помял их. Поцеловал, находящуюся от него слева, её правую ногу. Пощупал пальцами анус.

Она откинула голову назад, руками уперевшись в поясницу. Волосы упали ей на ягодички, но часть их так и осталась на груди. Её ноги остались в том же положении с наклоном вперёд – к Ивану, а тело выгнулось назад. Грудь сосками «смотрели» вверх. Кожа на животику и на лобочке натянулась ещё сильнее. Лунный свет, больше не загораживаемый её рукой, осветил более половины её туловища. Её гладкий белый лобок «смотрел» на Ивана «зрачком» клитора из темноты половой трещины.

Иван, снова перевёл руки по талии и бёдрам на живот. Руки поползли вверх – к грудям. Он взял их, каждую своей рукой. Нежно погладил. Помял. Потеребил и покрутил сосочки. Спустился ниже. Погладил большими пальцами обеих рук лобочек. Помял на нём кожу, натянул вверх, отпустил. Растянул в стороны половые губы и снова их сдвинул.

Она выдохнула, тихо простонав.

Иван сел перед ней на «пятую точку», подогнув левую ногу. Правой рукой поглаживая по спине и по пояснице, левую свою руку он просунул ей между ног, ладонью «накрыв» всю промежность, тем самым заставив девушку ещё немного раздвинуть свои ноги. Он ощутил приятную липкость слизистой малых половых губок. Подушечкой среднего пальца он нащупал анус. Плотнo прижимая ладонь к паху, он слегка, буквально на несколько миллиметров перемещая её в разные стороны, как будто, что-то втирая центром ладони в разрез между губами, раздвигая их этими движениями, старался увеличить площадь соприкосновения ладони и входа во влагалище. Одновременно с этим средним пальцем он массировал анус девушки. Время от времени ладонь отлипала от промежности, вызывая приятные ощущения в руке и усиливая Ванино возбуждение. Немного вытянув руку из её промежности на себя, Иван сложил пальцы скрестив их так, чтобы распрямлённый средний палец на вытянутой кисти выпирал вверх, а остальные были с его тыльной стороны: безымянный – своей подушечкой надавливал на ноготь среднего, а подушечка указательного – подпирала ноготь безымянного. При вытягивании руки старался максимально плотно прижать пальцы к половым губам и проникнуть между ними. И таким образом несколько раз поводил вперёд и назад, потирая пальцем внутреннюю поверхность губ. Согнув сначала средний палец, перпендикулярно плоскости ладони, а затем подтянув к нему и безымянный, проник ими в гладкое и тёплое влагалище. Помассировал несколькими движениями вглубь и обратно переднюю его стенку.

Розана снова опустила свой подбородок себе на грудь, переведя взгляд на возлюбленного.

Ваня, ещё немного поёрзав пальцами в её влагалище, вынул их и, взяв девушку за руки, потянул её на себя.

Она встала перед ним коленями на диван.

Он потянул дальше.

Она легла на него животом и грудью. Левую свою ногу закинув к нему на ноги, прижимаясь лобком к его бедру. Правую ногу протянула вдоль его ног, стараясь максимально прижать её к Ваниной ноге. Правой своей рукой она оперлась о диван, левой – стала поглаживать его затылок.

Иван лежал на спине выпрямившись. Они слились в страстном поцелуе. Языки сплетались, боролись, проникали, соперничая между собой: «кто глубже». Ваня ласкал её спину, ягодички. Залезал к ней сзади пальцами, трогая и теребя половые губы, иногда неглубоко проникая внутрь гладкой розовой «пещерки». Её волосы приятно щекотали плечи и торс Ивана и обволакивали его лицо.

Потом он приподнял её. Она села на его таз верхом. Движением головы расправила волосы. Чёрные струи прямых волос стекали ей до пояса. Она откинула голову назад. Волосы

коснулись Ваниных коленей. Уперевшись руками Ивану в грудь, Розана стала медленно при-
вставая и снова опускаясь, имитировать как будто она «наездница» во время полового акта.

Хотя свет отражённый от стен немного освещал лицо и грудь девушки, партнёр видел только её силуэт. А низ живота и лобок были в густой тени. Это было обусловлено ещё и контрастностью падающего из-за её спины ему в лицо лунного освещения. Когда она привставала, он внимательно рассматривал яркий просвет между её ногами.

При опускании её половые губы плотно прижимались к его члену и мошонке, а при поднятии эти разгорячённые и прилипшие друг к другу части их тел, постепенно разлеплялись с приятным ощущением. Потом она стала производить движения тазом вперёд-назад, уже не приподнимаясь, а прижавшись, тёрлась своими половыми губами о член, увлекая за собой крайнюю плоть, раскрывая головку и увеличивая возбуждённость.

Он достал из-под подушки лубрикант, щёлкнул крышкой и хотел было уже выпустить струйку смазки себе на руку, как она сказала своим хрипловатым голосом:

– Может, давай я снизу буду? А то больно будет.

– Давай, – ответил Иван, привставая.

Они перевернулись.

Теперь свет из окна освещал её ноги, бёдра и всё между ног, а от грудной клетки и выше она была в тени, отбрасываемой самим Иваном. Промежность стало хорошо видно. И Иван наслаждался белизной гладко выбритого лобочка и розовостью «тюльпана» его желаний.

Он налил на руку лубриканта, бросил флакон на диван в угол и стал медленно, наслаждаясь возбуждением от процесса, размазывать его по её половым губам. Его член торчал из него выше, чем горизонтально и, пульсируя от неимоверного возбуждения, нависал над Розаниным телом. Потом Ваня смазал свой член, обтёр остатки смазки о заранее приготовленное для этого полотенце, и снова впился своими губами в её губы. Провёл языком по подбородку. Обвёл вокруг одного соска. Вокруг второго. Потеребил их кончиком языка. Объял поочередно губами ореолы. Вернулся к губам.

Взялся правой рукой за эрегированный пульсирующий член и, поведя его кончиком вверх и вниз по входу во влагалище, медленно, толкающими движениями начал входить в неё.

Она, втягивая сквозь зубы со свистящим звуком воздух, а после этого медленно выдыхая, охала и ахала, упираясь при этом руками в его таз, опасаясь возникновения боли от резких Ваниных движений, ограничивая его во вхождении и ещё больше замедляя его продвижение вперёд.

Наконец Ванин член был полностью погружён во влагалище Розаны. Она отпустила его бёдра и легла на спину, раскинув руки в стороны, развалившись на большой подушке.

Иван, упираясь обеими руками в диван, стоя на коленях между её ног, аккуратно начал медленные возвратно-поступательные движения, только одним тазом, внимательно наблюдая за процессом.

Тугое влагалище довольно сильно обжимало член внушительных размеров. Но при этом, от обилия смазки, «палка» легко скользила внутри её розового «туннеля». Кроме того влагалище было не глубоким и Иван ощущал, как головка члена при полном погружении упирается в его дно.

Иван то и дело целовал её в губы. Шептал ей на ухо нежные слова. Постепенно увеличивая скорость и амплитуду своих движений.

Она задышала тяжело, иногда издавая тихие стоны. Изредка приподнимаясь на локтях, недолго рассматривала процесс вхождения и выхода блестящего от смазки члена в её влагалище и снова откидывалась на подушку, продолжая тихо постанывать.

Иван, выпрямившись вертикально, сел на колени. Не останавливая движения «поршня» в «цилиндре», стал легонько поглаживать внутреннюю часть её гладких бёдер. Взялся за лодыжки. Выпрямил её ноги. Развёл их в стороны на максимальную ширину. Розана была не

очень гибкая, на шпагат не садилась. Поэтому ноги раздвинулись не более чем на 100–120 градусов. Этого было достаточно, чтобы максимально раскрыть для созерцания «тюльпан» наслаждений, в настоящий момент принимающий в своё нутро твёрдый и большой член Ивана. Иван так же наблюдал, как его член проникая внутрь, приподнимает низ её живота. Это очень будоражило его.

Она дышала всё тяжелее. Стоны становились протяжнее. Затем её стоны постепенно превращались в шёпот. Сначала еле слышно, а потом всё отчётливее и громче:

– Глубже... – шептала она. – Глубже... Глубже... Глубже...

Иван понимал, что она уже возбудилась и начала получать приятные ощущения. Но:

– Куда там глубже? И так упираюсь в самое дно! – прошептал он. – Ещё глубже?

– Да... глубже... а-ах... глубже... пожалуйста... – отчётливо, с каждым вздохом, выговаривала она.

Он наращивал темп и стал уже молотить, глубоко втыкая своего «друга» к ней в «норку». Потом замедлился. Остановился. Аккуратно вышел из неё. Взял вторую подушку и положил её Розане под крестец, приподняв её таз выше уровня дивана. Встав на ступни, снова вставил член во влагалище. Начал движения вверх и вниз, немного приподнимаясь на ногах и снова опускаясь на корточки. Правой своей рукой, опираясь о диван, а левой массируя ей клитор.

Она, взявшись руками за затылок, приподнимая свою голову с интересом наблюдала, как Ванин член входит в её лоно и выходит обратно, словно иголка в швейной машинке. Если бы её ноги не были бы разведены, то она лбом касалась бы своих коленей, но ноги были раздвинуты широко, поэтому колени лежали на её плечах.

Совокупность происходящих событий: уже достаточно сильная её возбуждённость; напряжённость тела, особенно мышц пресса; в какой-то степени неудобство позы; большая интенсивность движения члена внутри неё; визуальное созерцание слияния половых органов; и наконец, стимулирование Иваном её клитора и наверное особенно последнее, несли её навстречу к «залпу оргазменного салюта».

Ваня продолжал, от напряжения уже с небольшой болью в ногах, входит и выходит, двигаясь в вертикальном направлении и массировать большим пальцем левой руки горошину клитора. Нужно было дотерпеть до её «взрыва», а только потом переменить позу.

Всё так же держа себя за затылок, она с каждым проходом Ивана к ней внутрь, стонала почти в полный голос.

– Ещё!.. Ещё!.. Ещё!.. Ах... А-ах... А-а-а-ах... А-а-а-а-а-ах... – удлинялись её стоны с повышением тональности.

Вдруг она, напрягла всё своё маленькое голое почти детское тельце. Затаила дыхание. Широко раскрыв глаза, впилась взглядом на совокупляющиеся гениталии. Тело её задрожало. Она схватила Ивана за локти, перед этим убрав его руку от своего клитора и, дрогнув от первого позыва конвульсий, коротко выдохнула со стоном и, всё так же затаив дыхание, закатив теперь глаза, забилась в конвульсиях. Потом, с силой выдохнула, откинув голову на подушку. Тяжело дыша и извиваясь под гнётом ощущений.

Иван замедлился в своих движениях.

Она всё реже стала дёргаться от постепенно слабеющих позывов. Её тело обмякло.

Он убрал из-под неё подушку, лёг на неё всем телом и, целуя её лицо, медленно продолжил движения тазом.

Она утихла, приходя в себя, теперь почти бесшумно дыша.

Он вынул член из её лона. Поцеловал её в губы и спросил:

– Сядешь сверху?

– Да... Сейчас... – не в силах ещё отдышаться, пообещала она.

Они поменялись местами. Он лёг на спину и правой рукой взялся за свой «корень».

Она встала на колени. Направляя его член к себе во влагалище, стала медленно садиться на «кол». Опустилась полностью, погрузив его в себя. Начала медленно привставать и снова опускаться, при опускании касаясь своим лбом Ваниного, постепенно увеличивая темп.

Потом, опустившись, на мгновение замерла и стала двигать тазом в горизонтальной плоскости – вдоль Ваниного тела. Движения становились более интенсивными, приближая теперь и его к оргазму. Набрав максимальный темп, она замедлилась. Полностью остановилась. Вытянула свои ступни из-под себя. Встав на них, села на корточки, широко разведя колени. С максимальной раскрытостью, откинув голову назад и упершись руками у себя за спиной в Ванины колени, начала двигаться вертикально.

Её груди острыми вершинами сосочков колыхались в такт её движений. Клитор, двигаясь вверх и вниз, выглядывал своим тёмно-розовым «зрачком» из щели половых губ. Половые губки жадно поглощали плоть Ваниного «стебля», затем выпускали его и снова поглощали. Она двигалась медленно, но ритмично, ненадолго задерживаясь в нижнем положении. Приподнимаясь, она оставляла только головку члена внутри себя. А опускаясь, плотно прижималась своими ягодицами к его тазу.

Находясь в верхней точке её прелести: белый лобок, розовые щелки между большими и малыми половыми губами, обхватывающие его «ствол», тёмно-розовый клитор на вершине расщелины были максимально приближены к глазам Ивана, и это распяляло ноющее чувство в его промежности. Это была его любимая поза. Она безумно возбуждала его. И через несколько мгновений он «взорвался», застонав, задёргавшись и задрожав от сильнейших ощущений.

Розана почувствовала, как густая струя спермы ударила ей в шейку матки и стала медленно растекаться по влагалищу, обволакивая липкой теплотой его внутренние стенки.

– Ты мой маленький! – тихо протянула она тоном разговора с ребёнком, игриво улыбаясь. Снова присев на колени, поглаживая своей правой рукой ему по груди и всё ещё с небольшой амплитудой двигая тазом. И, сама удивившись своим словам, с усмешкой добавила: – Ничего себе маленький? Попролам разорвать может!

Иван очнулся от стука ключей о железную дверь. Сразу накинул на себя шорты. Член был возбуждён и пульсировал. Нужно было скорее успокоить его.

Со службы пришёл Олег.

Они что-то совместно приготовили и поужинали.

Чуть позже пришла Соня – подруга Олега. Как всегда с дочуркой – Таней. Они, как обычно, втроём закрылись в своей комнате и тихо разговаривали, смеялись.

Ваня позвонил Розане. Выяснил, что у неё всё в порядке. Посмотрел новости. И ушёл спать.

«Звёздный»

глава 1. Не шампанское

Стоял прекрасный тёплый вечер, конца июля. Сидя где-нибудь на пригорке, можно было бы ещё наблюдать закат солнца. Но за окнами, особенно первого этажа, где находилась весёлая компания, о которой пойдёт речь, было уже сумрачно, почти темно. Видимо, из-за густой зелени старого широкого советского двора. Состоящего из трёх-четырёхэтажных домов. И только несколько современных элементов могли рассказать о том, что «на дворе» «Миллениум», а совсем не середина XX века. Например, двенадцатиэтажный дом в торце этого двора со стороны главного проспекта города, пристроенный к одноэтажному магазину «Океан». Их тыльную сторону можно было наблюдать из окон уютного пристанища весёлых молодых людей. Ещё домофоны на некоторых подъездах, и кое-где выделявшиеся своей белизной из общей серости стареньких домов, пластиковые окна.

Этот чертог, называй его как хочешь – «квартира», «дом», «хата», «блат-хата» или даже «кабак» – это маленькая однокомнатная «хрущёвка», любезно предоставленная курсанту военного училища Соловьёву Ивану бабушкой, на время его отпуска. Он, будучи в отпуске, всегда использовал её для отдельного проживания от родителей, попросив бабушку поменяться с ним жилищем. Бабушка, видимо понимая «молодое дело» внука, предлагала ключи сама, её даже просить не нужно было.

На алюминиевой табличке с тонким кантиком, чёрным, значился номер квартиры «1». Квартира угловая. Заходишь в подъезд – слева. При входе маленькая прихожая. Слева дверь в совмещённый санузел. В конце прихожей, налево, коридорчик: прямо – маленькая кухонька, направо – широкий дверной проём. Ныне правая половина которого наглухо заделана. Раньше комната была одна, большая, угловая, с двумя окнами на внешних угловых стенах дома, что и позволило разделить её на две части деревянной перегородкой, приходившейся как раз на середину этого проёма.

Левая часть бывшей большой комнаты квадратная, три на три – гостиная или «зал». При входе слева старенький диван, за ним вдоль окна расставлены несколько стульев. Посередине большой тёмно-коричневый лакированный раздвижной стол, накрытый тёмненьким полушерстяным покрывалом вместо скатерти. В «Красном углу» – телевизор на тумбочке. В правом дальнем углу трёхстворчатый шкаф с антресолью... Просто в правом углу, ведь ближнего правого нет, здесь угол перегородки. На шкафу всё то, что не уместилось в шкафы, под диваны и в другие места хранения. Там же старые любимые бабулей Соловьёва игрушки. Большая кукла уже не говорившая «МА-МА», но всё ещё закрывающая глаза. Примерно такого же размера белый плюшевый пудель. Всё это игрушки старшей сестры Соловьёва, в которые они играли в далёком уже детстве. Хотя пуделя, может быть и для него покупали, но мальчику мягкие игрушки менее интересны, чем девочкам, поэтому он всю жизнь считал его тоже игрушкой сестры.

Правая часть бывшей большой комнаты представляла собой крохотную спальню, глубиной на длину кровати. Дверной проём для прохода туда – точно посередине перегородки.

Квартирка была довольно вместительная в плане количества одновременно находящихся в ней людей, хотя размеры её были скромные, поэтому и «квартирка». Да ещё всё тесно заставлено совковой мебелью. Но здесь могли собраться шесть, восемь, даже десять человек. А для обжиманий и поцелуев, можно было использовать: спальню, зал, ванную и кухню.

И четыре пары достаточно свободно могли, хоть и с небольшим дискомфортом, но всё-таки хоть как-то уединиться.

В тесной ванной с сидячей чашей негде присесть, но она запиралась, и считалась из-за этого привилегированным местом. Даже в самый разгар веселья там можно было уединиться не только для обжиманий и поцелуев, но и для занятия сексом. Правда, только стоя. Хотя если

положить на ванну деревянные дощечки, используемые бабулей для удобства ставить на них тапки и другие приспособления и средства для стирки, то партнёрша могла бы сесть на них полужёла, но удобнее всё-таки стоя. И только до того момента пока кому-нибудь не приспичит. Хотя и приспичивших можно было «побрить». Могут и во двор выскочить – в кусты. Первый этаж как-никак! Это конечно не хорошо, но ради блага влюблённых можно. Тут всё-таки важным делом занимаются.

Кухня была слишком маленькая. Там конечно можно было составить табуретки в ряд, лучше по диагонали. В длину или в ширину, три табурета поставить можно, но лечь на них было бы крайне неудобно, тесно, ноги не выпрямишь. Или можно было расположиться на столе. Но первый вариант – слишком узкий – на ширину табурета, а второй – слишком высокий и к тому же жёсткий. На табуретах мягкие накидки. Но сексом всё равно не займёшься. В любой момент может зайти кто-нибудь. Остаётся вариант обниматься и целоваться, сидя на табуретках или прямо на полу, спиной прислонившись к батарее под подоконником или к столу, ну или опять же стоя.

Удобнее всего для такого рода «мероприятий» конечно были спальня и зал. Там для этого были предусмотрены лежанки. В этих комнатах можно было вольготно расположиться на кровати или диване. Естественно предварительно выключив свет. Не всякая девушка будет готова к лобызанию при включённом свете. А особенно если несколько пар одновременно захотели уединиться, и в соседней комнате кто-то находится. В этих «апартаментах» можно было «плотненько» пообниматься. Помяв и потеряв все части непременно одетого, в крайнем случае слегка приоткрытого, девичьего тела. Неловко как-то полностью раздеваться, осознавая, что в соседних помещениях кто-то есть. Санузла это не касалось. Это был «ВИП-зал». Там можно было всё. А на спальнях местах, если аккуратненько, то можно было залезть под одежку, и даже под бельишко. Пощупать, так сказать, интимные места, но не более того. Шумоизоляции – никакой. Перегородка деревянная. Дверей ни в зал из коридора, ни в спальню из зала, конструктивно не было предусмотрено. Проходы! Арки! Только занавеска из прозрачного тюля с большими красными маками разделяла зал и спальню.

Все лампы старой люстры в гостиной сейчас были включены, придавая уют обстановке своим тёплым свечением. Старинные, можно сказать – винтажные, красивые абажуры светильников в виде низких цилиндров бело-красной мозаики с золотистым обрамлением свисали каждый на собственном проводе на разной высоте от потолка.

Было жарко. Окна широко распахнуты. Красные с белёсым налётом, словно бы покрытые белым тюлем, поэтому – тускло-красные шторы с тонкими вертикальными полосками обычного красного цвета, уже без «покрытия тюлем», из тяжёлого атласа, были не плотно сомкнуты. Проходящие под окнами люди при желании могли бы заглянуть и увидеть происходящий в комнате «пир», а также услышать не только смех собеседников, его было слышно и в глубине двора, а прислушавшись разобрать о чём говорят весельчаки. Но пирующим было всё равно. Они веселились. Наслаждались молодостью.

Ивану не полных двадцать три года. Остальным тоже почти всем за 20.

Сидят. Немножко выпивают. На столе бокалы. В них пенится шампанское. Не совсем шампанское. Даже совсем не шампанское. Вместо него было пиво. Поэтому и пенится больше, чем «играет», как должно «играть» настоящее шампанское. Но тоже всё-таки играет, даже если и пенится. Тоже среднего рода. Тоже жёлтого цвета. Опять же не совсем как настоящее шампанское светло-жёлтого, а более глубокого – янтарного. Но со стороны, если бы кто-то из прохожих захотел бы всё-таки посмотреть на застолье, может и за шампанское принял бы.

С шампанским есть парочка «НО»!

«Мы не аристократы!» – любят эти молодые люди говорить про шампанское. И из тех, кто входит в их круг общения шампанское не все любят. Больше это обусловлено тем, что не привыкли. Было бы оно как пиво доступное, несомненно пили бы и шампанское. Но на шам-

панское денег надо гораздо больше, чем на пиво. Никто из них богато не живёт. И пиво из-за своей доступности и «лёгкости» стало верным спутником их вечеринок. Непременно «Очаковское». Оно больше всего им нравилось по вкусу. Обязательно в двухлитровых бутылках. В меньшей таре, банках или «стекле» дороже получается, а им много надо, поэтому в «сиськах». Весёлый молодёжный легко-алкогольный напиток. Что тоже не маловажно. Его пить приятно. И с ног не сносит, как его более крепкие «коллеги». О них отдельно.

Более крепкие напитки, опять же доступные нашим друзьям и тоже в большей степени из-за стоимости, например водка, так как на более элитные и цена выше, её же пить невозможно. Если её пьют, то только мучаются. Есть конечно индивиды, которым вкус водки нравится, но таких много меньше, чем тех, кому эффект важен. Вот для достижения эффекта и терпят. Нашим же молодым людям этот эффект нужен вторично. Приятно конечно, когда в голове шумит, расслабляешься, язык развязывается, но им процесс поглощения во время непринуждённых бесед доставляет большее удовольствие. И быть сильно захмелевшим совсем не нужно. Это иногда приводит к неприятностям. Пиво всеми этими качествами и привлекало их. Хотя, если и его чрезмерно употребить, то и это легко-алкогольное питьё «по шарам» может дать, будь здоров! К шампанскому и закуски другие нужны. А с сухариками, сырными косичками, вяленой рыбкой или семечками, к чему все они привыкли, пиво очень хорошо подходит, и приятно дополняет быт весёлой компании, как раз такой, о которой этот рассказ.

глава 2. Я тоже буду спать голенькой

Их было семеро. Соловьёв, его девушка Юля с подругой Таней, Ванёк Кутузов со своей сожительницей Викой, и Ваня «Борода» со своей новой пассией Светланой.

Юля брюнетка. Таня блондинка. Их «шахматками» иногда называли. Одногодки, одно-классницы, соседки. Обеим по двадцать. Между собой подружки детства. А Соловьёв и Кутузов с ними познакомились лет пять или шесть тому назад, через Юлину старшую сестру Оксану, а если ещё точнее, то через Оксанину подругу Аню. Но это уже, совсем другая история.

Сказав, что Юля девушка Соловьёва – чуть-чуть приукрасить и преувеличить. Она «его» девушка – временная. Впрочем, как и квартира, где сейчас они находятся, тоже «его» на время отпуска. А как он уедет – у Юли своя жизнь начнётся, у квартиры своя, у Соловьёва своя. И всем хорошо.

Ваня Кутузов – «Суворов», так его отец для хохмы называл, а потом всем это прозвище понравилось, так и прилипло к нему. Друг детства Вани Соловьёва, да ещё и тёзка. Соловьёв в первый класс собирался, когда они познакомились. Братья – «названные». Ни у одного, ни у второго, родных братьев, нет, отсюда и желание, называть друг друга братьями.

Вика с необычной фамилией – Динамо. Суворов ласково, называл её – «Ди». По фамилии называть, особенно девушку, как-то не принято, тем более по такой. К фамилии, конечно, претензий нет. Известнейший спортивный бренд. Но сами слова «динамо» или «динамить» не являются пределом мечтаний для псевдонима девушки, поэтому – «Ди». Так её и все остальные называли, правда гораздо реже, чем по имени. «Ди» – Девятнадцатилетняя мамочка-одиночка. Худенькая грудастая смуглая с миловидным лицом, немного лопухая, жгучая брюнетка с хохляцким акцентом. И как большинство южных девушек открытая душа, любящая праздную жизнь. Вот и сейчас полторагодовалый ребёнок дома один. Все, а особенно сама мамаша, думают, что он спит. Остальных, чужие дети интересовали меньше всего. Никто об этом даже на секундочку не задумывался. «Маме не надо, а нам – зачем?» А как было на самом деле, спит он или не спит, никто не знал. Но по слухам от соседей, ребёнок часто плакал по ночам. А если прикинуть, то, как раз в те ночи, когда мамочки не было дома.

Ваня «Борода». «Борода», потому что как усы у него начали расти – стал он усы носить, а как бородка «пошла» – с тех пор носит аккуратную бородку «эспаньолку», не меняя амплуа, уже много лет. Этаким франт в прямоугольных очках чёрной роговой оправы. Густая почти чёрная шевелюра из прямых тяжёлых волос с зачёсом направо, прямой чёткий пробор слева. По бокам и сзади коротко острижено. Наверх – плавный переход к увеличению длины волос. В самом низу стрижки, где его тёмные волосы наиболее коротки, просвечивается белая кожа. И «эспаньолка». Смотрится очень гармонично. Друг юности Соловьёва и Суворова. Знали они друг друга очень давно, в одной школе учились, но плотно общаться начали, весной-летом девяносто шестого, за несколько месяцев до призыва Соловьёва на срочную службу. Кстати говоря, он уже тогда с бородкой ходил. На школьном дворе толпой пели песни под гитару. И с тех пор – добрые друзья. В настоящее время трудится мед братом, в детской реанимации. Интеллигент в очках и белом халате.

Его новая подружка Света, на вид лет восемнадцати-девятнадцати. Симпатичная миниатюрная весёлая компанейская девчужка, несмотря на то, что в чужой малознакомой компании. Но в этом кругу всегда были рады новым знакомствам. Приняли её как свою. Вот она и не комплексовала. И всем это нравилось.

Ребята сидели за столом. Соловьёв – на стуле, спиной к проходу в спальню. Юля с Таней – на диване. Спиной к окну – Ди, рядом с ней её кавалер – Суворов. Напротив шахматок – Борода со Светой. Не совсем напротив, ближе к спальне, чем к окну, чтобы никому из присутствующих не загораживать телевизор, на который очень редко кто обращал своё внимание. Он тихо

бормотал что-то – «фонил», абсолютно не мешая их весёлому разговору. Они обсуждали, как у кого прошёл сегодняшний день.

Со Светой никто из присутствующих раньше не виделись. Хотели побольше о ней узнать.

– Да в электричке ехали вместе! – отвечал Борода на повисший в атмосфере вечера вопрос. – Смотрю – зашла. Села. Одна.

Он развёл руками и выпятил нижнюю губу, одновременно приподняв плечи, как бы сам у себя вопрошая и, тем самым отвечая на свой же вопрос: «Она одна?» и «Может быть стоит подсесть к ней?»

– Решил присесть рядом. Ну и присел! – резюмировал он.

Потом взял Свету, сидевшую к нему спиной, а к Суворовым и шахматкам – лицом, своими ладонями за плечи и легонько потряхнул, в порыве восхищения. Света заулыбалась. Потом он продолжил:

– Я с работы ех...

– А я к сестре, – перебила его Света и расплылась в милой улыбке. – Она тоже здесь в Жуковском живёт, у «Института».

Рассказчица большим пальцем правой руки ткнула себе через плечо, указывая видимо в сторону «Института».

– Вот теперь повод, не только к ней приехать, будет. Теперь и к Ваньке. Чаше ездить буду! Каждый день! – радостно проговорила она, потом обернулась и посмотрела на Бороду.

– А мне теперь, повод есть, после работы, не доехать до Жуковского, – снова вклинился Борода. – Выйти в Томилино. Никогда раньше туда не надо было, но что-то всегда тянуло. Оказалось... вот что! Точнее кто!

Он подтянул, держа за плечи Свету к себе, и поцеловал в затылок.

Все рассмеялись.

– А ты чем занимаешься-то? – спросила Ди. – Работаете?

– Учусь. В Люберцах, в шараге. На третьем, – ответила она, положила в рот сухарик и захрустела.

– А сколько ж тебе лет? – удивилась Ди.

В «шарагах» – профессиональных училищах или техникумах, обычно девятый-десятый классы заканчивают, а Светлана, выглядела лет на девятнадцать. Сами-то ребята из компании, уже давно, всё такое позаканчивали.

– Пока семнадцать! Но, через два месяца восемнадцать!

Все загудели, узнав, что она, оказывается – несовершеннолетняя.

– А по тебе не скажешь! – оживилась Юля.

– Тебе на вид, лет девятнадцать-двадцать! – добавил Соловьёв.

– Вот я этим успешно и пользуюсь, – кокетливо и горделиво парировала Света. – Все так думают! Пиво, водку, сигареты могу купить.

Вдруг из телевизора заиграла какая-то приятная танцевальная музыка. Суворов, сидя на стуле, начал пританцовывать. Вытянув руки вперёд и прикрыв глаза, видимо представляя себя на танцполе, ритмично изгибал своё пухлое тело. Он вообще неплохо двигался в танце. Они с Ди были частыми посетителями наклонного танцпола в бывшем кинотеатре «Звездный» в Старом Городе. Так на сленге принято называть центральную часть города. Сиденья убрали, а наклон пола остался. Там Ваняту (иногда его имя так коверкали) другие завсегдатаи этого заведения называли, со слов Ди, «сумасшедший танцор». Она всегда, всё, про всех знала, и много говорила. Суворов же всегда выдавал замысловатые «па» во время своих танцев. Вот и сейчас он изгибался и делал разные движения вытянутыми вперёд руками.

Сейчас участники пиршества слушали разную музыку. Но предпочтения юности, так или иначе, влияли на вкус к музыке настоящего времени.

Соловьёв в юности любил что потяжелее. В основном «металл», в основном «трэш». Немного «панка». Ещё с детства «Сектор Газа», а уже в юности – что пожёстче, поматёрее – «Гражданская Оборона». Название у группы, вроде бы было одно, а называли её все по-разному, на свой вкус и фантазию, кому как больше нравилось – «ГО»; «Гражданка»; «Гр Об»; Егор Летов; Летов; Егор. К тому же и сами участники этой легендарной группы, а в частности сам Егор Летов, по паспорту Игорь, давал пищу для размышления, называя своё детище большинством из тех названий, что перечислены выше. Даже домашняя студия, где были записаны львиная доля выпущенных группой альбомов, называлась «ГрОб рекорд-с». Ныне Иван Соловьёв слушал всё, что понравится. А это могли быть как «Ария», «Чайф», «КиШ» и многие другие представители российского рока, особенно «Ленинград». Так и представители другого музыкального сословия, например: «Линда», «Тату», даже «Натали» и другая попса. Хотя к попсе он всё-таки относился менее уважительно, чем к року. В юности они с друзьями такую музыку, как и великий панк Егор Летов в своём творчестве, называли «Попс». Русский рок! Вот, что Соловьёв любил по-настоящему! Он ведь и сам немного музыкант. Самостоятельно осваивал инструмент под песни Цоя и других рок исполнителей, включая «Гражданку». Лучше всего учиться этому играя рок, а не попсу. А под «Ленинград» они с Суворовым и ещё кучей «соратников» частенько собирались и под пивко танцевали у Юли и её старшей сестры на кухне. Называлось это «пойти потусить у Оксаны». Оксана – старшая из сестёр, к тому же все её знали дольше, чем Юлю, поэтому-то и «у Оксаны». Кухня, кстати говоря, у них была не больше той, временным хозяином которой являлся сейчас Соловьёв, но народу там могло поместиться не меньше, чем в этой крохотной квартирке. «Ленинград» с музыкальным фестивалем «Нашествие» ворвался в их жизнь как вихрь. И завоевал их сердца.

Суворов, тоже предпочитал в юности «рок», «панк», немного «металл». Они с Соловьёвым вместе учились играть на гитарах, а для этого самым подходящим был именно «рок» или «панк». Сейчас же он любил танцевальную, клубную музыку, несколько психоделическую, типа «транс».

Ди – любит попсу и танцевальную музыку. Ту, которую обычно крутят на дискотеках. Они с Суворовым частенько бывают на них. В «Звёздном» и других клубах, но в «Звёздном» чаще всего. Он более доступный. И народ там попроще. И знакомых по любому встретишь, ведь знакомые на тех же условиях клубы выбирают.

Борода всю жизнь был панком, рокером и КИНОманом. Виктор Цой – его кумир, «Кино» – любимая рок-группа. И сейчас его предпочтения остались прежними. Танцевальную, дискотечную музыку он недолюбливал.

Юля тоже и раньше, и ныне – приверженка русского рока. Всё это влияние «братьев», Суворова и Соловьёва на её сестру, а следовательно и на неё.

Таня наверное любила попсу, как и большинство девушек такого возраста. Как, к примеру, Ди. Но Таня не вступала в полемику и выяснить её музыкальные пристрастия не представлялось возможным. На самом деле и не особо это было нужно. А общались ребята с ней крайне редко.

Услышав приятную своему уху музыку и увидев, что Суворов уже танцует, Ди воскликнула:

– А поехали в «Звёздный»!

– О, точно! Поехали! – открыл глаза, но не прекратил свои танцевальные движения Суворов. – А сколько время?

Он стал крутить головой, осматривая окружающих на предмет наличия часов.

– Пол одиннадцатого, – взглянул на часы и, поправляя очки, сказал Борода. Потом добавил: – Мы, пасс!

Света, повернувшись к нему и, трепля его за щёчки, скорчив жалобную гримасу, стала канючить:

– Ну почему?.. Ну, давай поедem!..

– А почему бы и нет? – охотно согласился Соловьёв. И, обратившись к Юле, добавил: – Поехали?

Юля стала отпираться:

– Нет, Вань. Да чего там делать? Там грохочет всё! Мне такая музыка не нравится. Я лучше домой пойду!

– Да ладно, куда ты сейчас пойдёшь? Нормальная музыка. Поехали! Чего мы теряем-то? – продолжал Иван. Потом он обратился, к молчаливой подруге Юли: – Тань! Поехали!?

– Не-е-е-т, – суетливо закрутила головой Таня. – Да... э-э... у меня и денег нет.

– За это не переживай! Мы заплатим! – «наступал» Соловьёв, поглядывая на Суворова.

– Конечно заплатим, Тань! – вступила Ди и, пихнув Суворова в бок, добавила: – Правда, Суворов?

– Да-да, – комично согнувшись от лёгкого, но всё же чувствительного удара, прохрипел Суворов, но несколько не возмущившись от грубого жеста подруги, а наоборот отнесясь к нему с юмором, потом он распрямился и продолжил: – Я сегодня много крышек сделал.

Говоря это, он с каждым словом всё сильнее хихикал и приоткрывал глаза, а закончив фразу – рассмеялся и закашлялся. Прокашлявшись, вздохнул и снова принялся танцевать, как ни в чём не бывало.

Он работал на заводе «Нестле», на конвейере по производству пробок для прохладительных безалкогольных напитков. Там же, но в других цехах, разливали напитки и делали мороженое. Он иногда приносил или газировку, или мороженое, в том числе и фруктовый лёд. Сегодня все тоже угощались, принесённой им газировкой.

– Да нет, Вик! Мне на работу завтра, – продолжала отпираться Юля. – И тебе тоже!

Она уставилась на Таню, качая головой, ожидая от подруги поддержки.

– Да... да! – запнувшись, поддакнула та.

Света очень тихо почти шёпотом упрасивала Бороду пойти на дискотеку. Приводила ему множество положительных по её мнению причин пойти туда. Он никак не соглашался, ссылаясь на то, что ему тоже!.. Завтра, опять!.. На работу. Да ещё и в ночь дежурить.

И тут он, обращаясь ко всем и в особенности к Соловьёву, предложил:

– А давайте сегодня тут ещё немного посидим и по домам... – он сделал паузу, чтобы все вняли его словам, – а завтра я на дежурстве буду, а вы сводите, пожалуйста, ребёнка на дискотеку! А?

– Ладно, – согласился Соловьёв. – А где ночевать будет, «ребёнок»?

– Выделите, вон, ей койку! – указав на диван, на котором сидели «шахматки», сказал Борода.

– На этом диване спать нельзя, – протянул хозяин квартиры с надменным выражением лица. – Только если со мной!

Он указал головой назад себя на спальню.

Суворов, всё также пританцовывая, и даже не открывая глаз, захихикал.

– Ну хорошо. Мы согласны! – сказала Света с усмешкой. – Да, Ваня?

Вопрос она адресовала непосредственно своему бойфренду – Бороде, при этом по-детски иронично кивнула головой, ударив себя подбородком в грудь и моргнув обоими глазами, а потом нежно чмокнула его в губы.

Смех передался и Ди, и Бороде, и Тане.

– Конечно! У нас всё коллективное! – подмигнул Борода Юле. – Как завещал великий Ленин!

Он поднял руку, как Ленин, указывая куда-то вдаль.

Теперь засмеялись все.

– Да я тут вообще не причём! – растерявшись, затараторила Юля, отрицательно трясая головой. – Я не пойду завтра никуда. Я не могу. Я вообще дискотеки не люблю. Вы идите завтра куда хотите! А мы по своему плану...

– И всё идёт по плану-у-у-у... – затянул Суворов припев, из самой известной песни Егора Летова.

Смех продолжался.

– Может сейчас, всё-таки поедem? – посмеиваясь вместе со всеми, не унималась Ди, трясая Суворова за плечо.

Суворов, улыбаясь, одобрительно кивал головой в ритм музыке в своём танце.

– Нет-нет! – отрицательно вращал головой Борода, успокаиваясь от смеха, вытирая под очками слёзы. – Мне на ночное дежурство завтра!

– Юль, поехали завтра, хоть? – всё ещё пытался убедить свою девушку Соловьёв.

– Да... нет! Вы сами езжайте. Я же говорю, завтра не могу! – продолжала она отпираться. – Чего тебе Светы не достаточно, что ли? Я вам мешать не буду. Отдыхайте на здоровье! Тем более втроём на кровати тесно!

– Ни чё не тесно! Ну ладно. Хорошо! Как хочешь, – согласился Соловьёв.

Все снова рассмеялись.

– Только я голый сплю! Особенно, когда не один! – продолжил хозяин постельную тему, обращаясь теперь к Свете с иронично-хищной улыбкой.

– Нормально так! – возмутилась было Юля.

Все грохнули смехом.

– Язык мой – враг мой! – добавила она, прикрывая лицо руками.

– О! Я, кстати, тоже! – посмотрев на Соловьёва, сказала Света.

Хохот не унимался.

Динамо, сквозь слёзы от смеха, теперь внимательно наблюдала за разговором.

– Да нормально! – снова вытянул Борода правую руку, как Ленин, обращаясь к Юле.

Проходящие под окнами люди, видимо оборачивались на смех из открытых окон.

– Да ладно! Делайте, чё хотите! Я не против, – прикрывая лицо руками, как бы стараясь скрыть свой смех и стыд, отвечала Юля.

– Ну вот и решили! – завершил Соловьёв, вытирая слёзы.

– «За голеньких!» – поднял бокал с «шампанским» Суворов.

Снова грянул смех.

Все стали поднимать бокалы и чокаются.

Совсем стемнело. Наступала ночь. Пиво закончилось. Вечер посиделок завершался. Все начали собираться.

«Суворовы» всё-таки решили ехать на дискотеку ещё и сегодня. Но перед тем как они уехали и все остальные разошлись по своим делам, был разработан и обговорён план на завтрашний вечер. Что встретиться нужно вчетвером, так же здесь. После того, как Ваня закончит работу, заберёт Ди и они придут сюда для «подготовки» к посещению «Звёздного».

Борода со Светой собрались идти домой.

Юлю Соловьёв так и не смог убедить остаться на ночь у себя. Она ссылалась на то, что ей нужно было утром идти на работу. В принципе так же, как и вчера, и в предыдущие дни, в которые она была не против остаться, а утром убегала на работу. Соловьёв не стал её упрашивать и настаивать остаться, и шахматки собрались и были готовы выдвинуться домой.

Соловьёву же оставалось проводить их и вернуться ночевать одному. Но он ни капельки не расстраивался. Он предвкушал завтрашний день. На многое, конечно, не рассчитывал. Чужая подруга. Кроме того – малолетка. Но всё-таки надеялся...

глава 3. Егорка

Утром следующего дня, Борода позвонил Соловьёву, на домашний телефон, о чём они тоже договорились с вечера. Чтобы встретиться для приёмо-передачи Светланы, как говорить, из рук в руки, так как она всё-таки считалась несовершеннолетней. Типа – не положено одной. И уже по телефону условились встретиться на улице Лацкова в половине двенадцатого. Недалеко от соловьёвского дома, где он проживал с родителями. Возле какого-то технического здания. Такие сооружения обычно принято называть «бойлерными». На этой бойлерной в восьмидесятые и начале девяностых висела кабинка «телефона-автомата». «Встреча у телефонного автомата» или «аппарата».

«Лацкова» или как принято в простонародье называть этот район с окончанием на «о» – «Лацково» – это один из райончиков новой части города, по одноимённому названию улицы. Здесь «на Лацково» проживали все три «Ванькá». Борода любит говорить, перефразировав известную поговорку про рыбаков: «Ванёк, Ванькá – видит из далека». Соловьёв с Суворовым жили не то, что в одном районе или на одной улице, а даже в одном доме и в одном подъезде. Борода жил в другом квартале, недалеко от улицы Лацкова.

Остановка общественного транспорта, конечная – небольшая площадь, где разворачиваются автобусы, находилась непосредственно на улице Лацкова и называлась так же – «Улица Лацкова». И чтобы сесть на общественный транспорт, нужно было дойти сюда – «на площадь Лацкова». Даже если кто-то жил на другой улице, в ближайшей окрестности, например, как Борода – всё равно не называли свою улицу, а говорили: «Живу на Лацково».

Квартира бабушки Соловьёва находилась «на Океане». Это ещё один райончик по названию магазина и автобусной остановки. Пешочком, через дворы, неспешным шагом, минут пятнадцать идти до Лацково.

Улица Лацкова довольно длинная, прямая и широкая. В летнем, утреннем, почти дневном воздухе, дорога просматривалось великолепно. И, подходя к «телефонному аппарату», как же Соловьёв был удивлён увиденным: Борода со Светой неспешно, даже ещё более неспешно, чем сам Соловьёв, подходят к месту встречи. Но не просто, а как семейная пара. Да ещё и с ребёнком – мальчиком лет трёх. Со стороны это выглядело именно так – семейная пара с малышом.

– Когда это вы, успели уже заделать такого малыша? – за десяток шагов до этой «троицы» иронично начал разговор Соловьёв. – Скрывали от нас свои давние отношения?

– Да. Вот так и заделали! – задорно отшутился Борода.

– Это мой племянник – Егорка! Знакомьтесь! – сказала Света, придерживая малыша за ручки при ходьбе. – Мы утром к сестре зашли. А ей как раз уйти понадобилось на полдня. Она и попросила нас погулять с ним.

Малыш, не обращая внимания на предложения своей тёти познакомиться, продолжал весело шагать, высоко задирая ноги. А если при очередном таком шаге он всё-таки терял равновесие, опрокидывая назад голову, крепко вцепившись своими ручонками за руки Светланы – удерживался от падения.

– Ясно-понятно! Вы прям... смотрите... в роли молодых родителей! – вывел Соловьёв и протянул мальчику руку для рукопожатия. – Привет, боец! Как тебя зовут?

Тот без лишней скромности выдернул свои ручонки из Светиных и с размаху шлёпнул своей маленькой пятернёй по ладони Соловьёва. Одновременно со шлепком крикнул своим звонким голосом: «Здалова!». И, не ответив как его зовут, спрятался за Светину ногу, обхватив её руками. Периодически выглядывая из-за неё, а встретившись взглядами с Соловьёвым, засмеявшись, снова утыкался носом в Светину ляжку.

– Какие наши дальнейшие действия? – осведомился Соловьёв, улыбаясь и подмигивая выглядывавшему из-за Светы мальчику.

– К часу надо Егорку сестре завезти, – ответила Света, страхуя ухватившегося за неё малыша от возможных спотыканий и падения.

– Мне на дежурство скоро надо ехать, – подключился к ответу и Борода. – К пяти там уже надо быть – в Москве. В час-полвторого выходить из дома. А ещё собраться надо. Так что у меня не получится. Я вас до остановки только могу проводить сейчас.

Группой, также неспешно, скорость задавал Егорка, они дошли до «площади» и стали ждать автобус.

Борода, как истинный джентльмен, выделил Соловьёву денег для своей девушки на дискотеку. Дал ещё и ей на карманные расходы. Ещё немного они провели в ожидании, обсуждая будущий вечер, и вскоре подошёл автобус.

Соловьёв с Бородой пожали друг другу руки. Борода на прощанье поцеловал Свету. И автобус тронулся.

Доехав до «Института», троица вышла из автобуса. Перейдя через дорогу, прошли дворами до дома Светиной сестры.

Её дом был, чем-то вроде общежития квартирного типа. Сестры дома не оказалось, и они вышли, подождать её во дворе. Через некоторое время сестра появилась. Была чем-то расстроена и даже раздражена. Не поздоровавшись, забрала ребёнка и ушла домой.

– Она с мужем развелась, – пояснила Света. – А теперь ещё и с работой не ладится. Вот и ходит расстроенная.

Передав мальчика, парочка пошла пешочком к «Океану». Спешить им было некуда и они прогуливались по городу, наслаждаясь прекрасной погодой и тенью зелёных насаждений.

По пути они зашли в магазин. Взяли там немного продуктов и пива, чтобы скоротать день до вечера, и чтобы в клуб уже не очень сильно трезвыми ехать.

Придя домой, они разобрали покупки. Света что-то приготовила. Они ели, пили, как старые добрые друзья болтали на отвлечённые темы. За разговорами почти не заметили, как наступил вечер.

Суворов работал до 18:00. Часов в семь вечера он уже мог быть у себя дома, соответственно и у Вики тоже. Ди жила в том же подъезде, что и братья. И к половине восьмого они могли бы уже быть у Соловьёва «на Океане». Но Соловьёв со Светой ждали их до сумерек. Часов до 22:00. Ребёнка в семь вечера спать не уложишь. А Вика могла уйти из дома только лишь, когда сын уснёт. Все это понимали и не торопили её. К тому же ночные клубы начинают свою работу часов с девяти. А народ собирается только после десяти–одиннадцати. Так что о том, чтобы ехать туда в семь–восемь вечера, не могло быть и речи, как бы у Светы не «зудело» одно место от желания. Выдвигаться нужно было после двадцати двух.

К приходу «Суворовых» Соловьёв уже был готов. Одет, как подобает для посещения увеселительных заведений: бежевые классические атласные брюки с наглаженными стрелками, бежевая с белыми и разной интенсивности бежево-серыми разводами рубашка из мягкого с мелким вертикальным замином шёлка с коротким рукавом, в белых носках. Оставалось только надеть свои бежевые сандалии с перфорацией.

В свете неоновых ламп, которые в каждом клубе висят, как правило по периметру танцпола, всё чисто белое – светится. Его одежда не светила, но сандалии давали очень интересный эффект. Перфорация по бокам стопы вдоль подошвы, дырочки на расстоянии примерно в сантиметр друг от друга, выглядели как фонарики, светящие изнутри его ботинок. Напоминаая светящиеся в темноте иллюминаторы самолета, или даже фантастической подводной лодки. Этот эффект очень нравился Соловьёву и поэтому он надевал не бежевые, а непременно белые носки.

Ваня с Викой подошли, примерно к половине десятого. Соловьёв предложил перекусить и кто хотел, покушали. А уж от распития «двушечки» «Очаковского» не отказался никто. Потом вызвали такси и двинулись в путь.

В «Звёздном», как всегда было многолюдно. Там ребята встретили нескольких знакомых. Но продолжили отдых обособлено.

В полумраке дискотечных фонарей клуба они танцевали. Между танцами – выпивали в клубном баре. Суворов снова удивлял окружающих своими странными танцевальными движениями. Всем было весело.

Светлана, несмотря на свой молодой возраст, очень неплохо двигалась. Может быть, это было субъективное мнение Соловьёва, а может и не только его. Сам-то он не «танцор». На ней были светло-жёлтые, почти белые джинсы, белая хлопковая рубашечка с коротким рукавом и белые тряпичные тапочки. Рубашка и тапки светились. Выглядела она очень сексуально, особенно во время танца. Плавные движения и изредка обращённые на Соловьёва томные взоры придавали ей ещё большую сексуальность и заводили Соловьёва.

В медленных танцах Соловьёв со Светланой позволяли себе несколько больше, чем положено добрым друзьям. Его колено могло оказаться у неё между ног и, при её не просто молчаливом согласии, а именно ответном желании – колено могло потереться о её промежность. Можно даже сказать – её промежность могла потереться о колено Ивана. Их руки свободно перемещались по спинам друг друга и даже чуть ниже, но всё-таки не нарушая приличий – без откровенного лапанья. Соловьёвский член практически всегда был в возбужденном состоянии. И только его трусы-шорты да сумеречная обстановка клуба скрывали это от всеобщего обозрения.

Прошло несколько часов. В клубе стало пустеть. К четырём тридцати объявили о закрытии.

Четвёрка молодых людей вышла из темного душного зала «Звездного» на свежий воздух. Вне помещения их разгорячённые тела ощущали благодать предутренней прохлады. Было ещё темно, но зарево рассвета уже приближалось.

Народ понемногу разъезжался, и найти такси в это время всегда проблематично. Но им спешить было некуда. Они неторопливо искали «карету», попутно веселясь, обсуждая «Ваня-тины танцы».

Спустя какое-то время машину они всё же нашли.

Светлело. Густые сумерки медленно отступали.

Они ехали в стареньком бежевом не тонированном Опеле «Аскона». Соловьёв с девчонками на заднем сидении, а Суворов, учитывая его комплекцию, – на переднем. Он всё время был повернут лицом назад. Все весело обсуждали проведённое в клубе время. Даже водитель иногда вступал в разговор и постоянно посмеивался над их шутками.

Пришло время Соловьёву со Светой выходить. «Экипаж» подъехал к «Океану».

Соловьёв и Света – с Викторией поцеловались в щёчку. С Суворовым – Иван попрощался рукопожатием. С водителем – взаимно обменялись пожеланиями удачи. И напоследок Ди сказала:

– Не шалите там! Сильно...

Все рассмеялись.

Красивая пара в белом вышла из машины. Суворов пересел, с переднего сиденья назад. Солнце уже приподнималось над горизонтом и слепило глаза. Стало почти совсем светло. Света взяла своего кавалера под руку.

Всё происходило, как в замедленном кино: «Соловьёвы» провожали взглядом такси, увозившее «Суворовых». Машина медленно отъезжала от них, несмотря на то, что с пробуксовкой и с дымком из-под колёс. Оставшиеся на дороге – тронулись, медленно переступая, но при этом широко шагая, переходя на другую сторону широкой и пустой из-за времени суток

дороги. Суворов и Ди, как будто обречённо смотрели на них сквозь заднее стекло машины. Переходящие главное шоссе города махнули им рукой на прощанье и, отвернув от них свои лица, направив взор в сторону своего движения, казалось стремительного из-за встречного тёплого ветра, направлялись в мир грёз. В мир продолжения вечера. Ветерок легонько трепал их волосы и одежду довольно свободного покроя, вызывая приятные ощущения от её плотного прилегания к телам. Им со Светой и Суворову с Викторией было понятно, что это ещё не конец вечера. И что и те и другие, вспоминая о вчерашних шутках, в том числе и о предпочтениях спать обнажёнными, будут-таки ещё сегодня «шалить»...

глава 4. Дайана Лии

– Я первая в душ! – скинув у входа в квартиру тапочки и забежав в зал, воскликнула Света. – Только... дай мне полотенце... или... лучше простыню!

– Не вопрос! – ответил Иван. – Я пока постель приготовлю.

– М-м-м... постель... – игриво подёргивая бровями, промурлыкала она.

Ваня дал ей простыню. Она ушла в ванну. Он включил бра в спальне и выключил свет в гостиной.

В спальне слева от входа перед окном стояла старая швейная машинка на чугунном остоле с вензелями. Сделана она была без нынешней современной экономии материалов, добротно, как говорится – на века. Вот и было ей уже больше полвека, а она до сих пор исправно работала. И бабушке не нужны были все эти современные электрические новинки. Вокруг машинки всё было заставлено старыми чемоданами и мешками. В «красном» – дальнем левом углу стояла небольшая тумбочка. Справа – деревянная кровать «полуторка». В промежутке от тумбочки до кровати, стоял старинный чемодан. В нём тоже хранилось, что-то очень нужное бабушке. Посередине – между швейной машинкой и кроватью – проход. В проходе лежала красная ковровая дорожка. Над кроватью висел маленький коричнево-жёлтый ковёр с незамысловатым рисунком. Точками по периметру, белыми в центре с красной каймой, напоминающими огонь свечей.

Иван снял с кровати покрывало и бросил его на швейную машинку. Всё уже было готово. Свежее постельное бельё было застелено ещё утром. Он начал раздеваться и пытался представить, как она моется. Внизу живота приятно зазудело. Но никаких особых картинок ему в голову так и не пришло. Вспомнился лишь фрагмент из видеожурнала «Плейбой» за восемьдесят девятый год, как голенькая китаянка – Дайана Лии, выделяет подряд несколько балетных прыжков с разворотом...

«Бред какой-то! – прошептал он, встряхнув головой. – Почему именно Дайана Лии?.. Бред...»

Он разделся до трусов. Развесив вещи на стул, прилёг на кровать, головой к дальней от гостиной стене, лицом к проёму в середине перегородки, устремив взгляд в проём, и стал ждать и прислушиваться.

Из ванной доносились звуки льющейся воды, щёлканье открывающихся и закрывающихся шампуней и гелей для душа. В общем ничего особенного. Потом он услышал, как щёлкнул запор в ванной. Распахнулась и стукнулась дверь о встроенную в прихожке тумбу. Света от получившегося грохота ойкнула. Потом вышла. На цыпочках прошлёпала к спальне и заглянула, отодвинув тюлевую занавеску. Очевидно догадываясь, что недавний её партнёр по танцам может быть именно на кровати, кинула свой взгляд сразу на него. Их глаза встретились. Иван видел только её голову с влажными выющимися волосами русого цвета со светло-пепельным оттенком, частично спадающими на лицо.

Её взгляд, оценивающе, перешёл от его лица вниз, ниже пояса, потом обратно. Она улыбнулась. Ни капельки не стесняясь, она блуждала взглядом по его телу.

Занятия тяжёлой атлетикой, сначала на срочной службе, а теперь и в военном училище, придали его телу приятную взгляду одутловатость мускулатуры. Очевидно, ей нравились эти атлетические формы. Но скорее всего больше её впечатлило и порадовало, что он был раздет.

Просунув в проём «двери» руку, она потрясла ей, демонстрируя свою снятую одежду, и суетливо спросила:

– Куда это?

Соловьёв медленно приподнимаясь, махнув рукой в сторону гостиной, небрежно ответил:

– А-а-а-хм... на любой стул.

Она, обернувшись назад себя, куда указал ей хозяин квартиры, и, не меняя своего положения, чтобы сохранить интригу своего одеяния подольше, не показываясь ему – глазами отыскала подходящий стул и вернула взгляд на лежащего собеседника.

На улице светало и в полумраке квартиры всё было хорошо видно. Попадающий через окна свет хорошо освещал помещения. К тому же светильник из спальни довольно ярко светил, проникая в гостиную через проём в перегородке.

Поднявшись, Ваня приблизился к выходу из спальни.

Она сделала шаг назад и подняла только что показанную ему одежду к своей шее, как бы прикрываясь ей, подбородком прижав одежду к груди, кокетливо улыбаясь и исподлобья глядя ему в глаза. От её резкого движения назад, ещё один локон влажных волос свалился ей на лицо.

Интрига была раскрыта. Теперь Соловьёв увидел её в полный рост, обёрнутую в простыню, прикрывавшую её тело, от подмышек до коленей. Наверное, под простынёю – она была голенькая. Вчера по крайней мере обсуждали, что будет именно так. Его детородный орган снова шевельнулся, натянув трусы.

Она мило смотрела на Ивана своими большими влажными глазами. Румянец от горячего душа на её щёчках и курносом носике придавал особую миловидность лицу. Волнистые влажные волосы, имевшие одну длину и спереди, и сзади, спадали на лицо и на оголённые худые слегка загорелые плечи. Простыня, довольно туго была натянута, облекая изгибы её тела. Отпрянув от прохода, она поставила ноги одну за другой, так называемым – «иксом», в форме латинской буквы икс.

Соловьёв догадывался для чего ей нужна именно простыня, а не полотенце, ещё когда Света только попросила её. Все девушки любят в них заворачиваться после душа.

Улыбнувшись, она повернулась в сторону ранее присмотренного стула, и прытко скакнула к нему. Во время прыжка влажная простыня натянулась её ногами и чуть не распахнулась. Снова всплыли в памяти балетные «па» Дайаны Лии. Света ойкнула, удержав чуть было не свалившуюся простыню и, поправив её «крепление», стала развешивать свои вещи.

– Теперь я в душ! Располагайся пока. Готовься! – сказал Иван через плечо, направляясь в ванную.

Из ванной он вышел тоже не полностью голым – в трусах. Несмотря на любые договорённости, неловко трясти причиндалами, шагая по квартире. Да ещё перед малознакомой девушкой. А учитывая её возраст – это вообще преступление. Хотя, преступление – всё то, что и так сейчас происходит.

«Я преступник! – подумалось Соловьёву. – Не хочется об этом думать. Но всё же думается. Два месяца до совершеннолетия... Не так уж и много?! Но всё-таки восемнадцати ещё нет. Ни на чём настаивать не буду! Если только сама проявит желание. Хотя и того, что уже свершилось – на статью хватит. Причём на очень-очень плохую. «Садиться» – никак не хочется – не вариант. Как бы там ни было – пусть она первый шаг делает! Может, пронесёт? Не я первый – не я последний. Сколько таких, как она малолеток, мужики трахают? И всё – ничего. Надеюсь, что и эта не заявит. Ладно, будь – что будет! Только с её согласия! Только она первая!»

Простыня, в которую Света заворачивалась, висела на соседнем стуле рядом с её одеждой. Значит, на ней простыни уже не было.

Зайдя в спальню, он окинул взглядом кровать. Света лежала у стены, головой в дальний угол, на большой подушке, под одеялом, на половину прикрыв лицо. Она сверлила, съедала, раздевала взглядом, появившегося в проёме Ивана. Ему казалось, что трусы таят на нём, и «аппарат» сейчас выпрямится во весь рост. Он и так всё это время находился в напряжении. И во время душа, и особенно после него, когда Соловьёв, в предвкушении того, что возможно случится, хотя бы просто лежать с ней в одной постели без всякой близости, а тем более если

близость всё-таки состоится, и он на близость ещё надеялся. Теперь член максимально натягивал его белоснежные трусы-шорты. Без сомнений ей было видно, что Ваня возбуждён. И по её глазам он видел, что ей нравится смотреть на него.

Соловьёв выключил свет. Темнее не стало. За окном уже было утро. Залез под одеяло. Лёг на спину.

Она как пантера жадно ухватила за его накаченную грудь. Он развёл свои руки в стороны, чтобы не прикасаться к ней. Её руки начали перебирать волосы на его груди, запутывая в них пальцы, натягивать их. Гладить, тереть, ласкать накаченные грудные мышцы. Хвататься за соски.

– Ты долго, – сказала она, выражая на лице некую обиженность.

Нависнув над ним, она впила своими губами в его губы. Они слились в страстном поцелуе. Нежный аромат свежесмытого ароматическими гелями тела и волос приятно обдавал Ванины ноздри. Не разрывая поцелуй, только теперь обняв девушку, он прижал её к себе. Стал ласкать её спину. Она, стала ласкать его шею и плечи. Кожа на её спине была довольна гладкая, шелковистая, но с мелкими крапинками, напоминавшими прилипший пляжный песок. Он не стал спрашивать «что это?», у каждой кожи есть мелкие недостатки. Нет ничего идеального. Повёл, правой рукой вниз, по позвоночнику. Она тоже оказалась в трусиках.

Трусики, самого обычного покроя. Из обычного гладкого мягкого тонкого трикотажа. Резинка и отверстия для ног – обшиты узкой кружевной оборкой.

Иван нежно взялся за её «булку». Погладил по очереди обе половинки. Легонько помял их. Начал медленно поворачиваться на левый бок, сдвигая её с себя, чтобы она легла рядом на свой правый бок.

Она, так же медленно переведя руку с его шеи вверх – на затылок, нежно, но настойчиво, одновременно при этом переворачиваясь на спину, подтянула его голову к себе, увлекая Ваню лечь на себя. Развела свои ноги.

Он положил своё правое колено между её ногами, бедром надавив ей на промежность.

От этого прикосновения, отрывая губы от поцелуя, она страстно выдохнула.

Соловьёв прошептал:

– Ты же, вроде говорила, что любишь спать без нижнего белья?

– Ты тоже, вроде, так говорил? – также шёпотом ответила она вопросом на вопрос.

– Это недолго устранить.

Не вылезая из-под одеяла, перевернувшись на спину, он стянул с себя трусы, и бросил их на пол.

Она дождалась, когда тот закончит манипуляции с трусами и снова уляжется на спину, «по стойке смирно». Сама, повернувшись на бок, даже больше на живот, лицом к Ивану, опираясь на локоть правой руки, закинув свою левую ногу на его ноги, просунула свою ступню между его голеней, при этом немного раздвинув его ноги. Их ноги чередовались – «через одну». Её лобковая кость надавила Ване на ногу. Смотря ему в глаза, вывернув свою левую руку, она провела снизу вверх по внутренней стороне его правой ляжки. Вызвав этим приятное вздрагивание его тела и появление мурашек. Достигнув промежности, аккуратно взявшись за мошонку, легонько сжала её в своей ладошке. Помяла, несколько раз сжимая и разжимая, играя, перекачивала яички в ладони. Потом медленно открывая рот, одновременно вдыхая, обхватила рукой эрегированный член, и начала производить медленные возвратно-поступательные движения, отводя крайнюю плоть к корню, обнажая головку, и обратно.

– О-о-о... какой?!... – приподняв брови, удивилась она.

– Какой?

– Уже такой твёрдый... И большой! – томно ответила она, одобрительно покачивая головой.

– А как ты хотела? – задал Соловьёв риторический вопрос. – Находясь рядом с полуобнажённой девушкой... да даже просто представляя её – он уже встанет... А то, что большой... уж какой есть.

– Я таких ещё не видела... больших! И не трогала, – произнесла она, продолжая движения рукой, возбуждая Ваню ещё больше.

– Теперь... уже трогала... если хочешь – посмотри... – выговорил он уже с трудом.

– Я боюсь...

– Почему? – усмехнулся тот.

– Ну... не боюсь... стесняюсь...

– Ам-м... – покачал он головой, – ну ладно... Кстати... я выполнил условия договора...

– Да мне тоже недолго устранить недостаток, – выпустив из руки член, засуетилась она.

Торопливо перевернувшись на спину, она хотела уже начать устранять свой «недостаток». Но Соловьёв остановил её, удерживая своими руками её руки и прошептал:

– Не спеши... Расслабься... Я сам...

Он отвёл её руки от предмета «недостатка», в стороны. Она, получив свободу рукам, нежно обняла его, и стала ласкать ему спину. Они снова слились в поцелуе. Торсом Ваня прижался к её груди. Он осязал, как её твердый сосок впивается в его тело и вминается в относительно мягкую её молочную железу.

Свою левую руку он просунул ей под шею, запустил пальцы в ещё влажные волосы и стал их перебирать. Она приподнялась на локтях. Правой рукой от бёдер, где он удерживал её руки, проводя по животу, он перешёл к ней на грудь.

Маленькая, примерно первого размера упругая грудь была прекрасна на ощупь. Соски торчали от возбуждения. Помяв их поочерёдно, сначала левую походу движения руки, она была ближайшая, потом и правую, поиграв указательным пальцем с твердыми сосочками. Он облизнул её губы. Она вытянула их, стараясь поймать его губы для поцелуя. Он перевёл язык вниз по подбородку. Она, не уловив поцелуя, откинула голову назад. Он стал смачно целовать и облизывать её шею. Она вздрагивала от его прикосновений. Лизнул мочку правого её уха. Кончиком языка повёл от уха вниз. Обвёл вокруг соска, ближней к нему – правой её груди. Кожа была гладкая, практически идеальная. Ничего общего со спиной.

Тем временем правой рукой он ласкал её левую грудь. Перевёл руку ниже – к животу, к бёдрам. Пощупал резинку трусиков. Запустил под неё большой палец. Поводил ногтём по низу живота вдоль резинки.

Губами объёл небольшой ореол соска. Легонько ухватил сосок зубами. Оскалившись, разведя уголки губ в стороны, приподняв губы над поверхностью кожи груди, языком потёр кончик соска. Снова опустил губы. Разжал «укус». Втянул сосок вместе с ореолом. Максимально раскрывая при этом челюсти, стараясь втянуть всю молочную железу в рот, накрыв губами почти половину её поверхности.

Тем временем Света повернув верхнюю часть туловища на бок, лицом к Соловьёву, опираясь на локоть своей правой руки, ладонью этой же руки гладила левую часть его спины, иногда легко царапая ногтями.левой рукой из-под его подмышки ласкала затылок и спину. Медленно ведя от шеи вниз через всю спину к его оголённым ягодицам. Хватала и мяла его правую ягодицу, оттягивала её от второй, раскрывая анус. Хватала возбуждённый «корень», делала возвратно-поступательные движения по его оси.

Выпустив изо рта грудь, Иван перевёл губы к её лицу. Их губы снова встретились. Языки, снова сплетались, пролезая как можно глубже в рот к оппоненту, извивались, крутились, облизывали нёбо, внутреннюю часть щёк.

Правой рукой вдоль резинки трусиков он погладил низ её живота. Указательный палец просунул под резинку. Поводил вправо-влево, ощутив при этом кончиком пальца мягкие тонкие и редкие волоски, украшающие её лобочек. Она издала тихий стон.

Вытащив палец и перенеся руку, теперь уже не прикасаясь к лобку, потрогал переднюю часть бёдер. Её ноги были сведены. Провёл рукой вниз и вверх, одновременно скользя ладонью по обеим ляжкам, безымянным пальцем и мизинцем провалившись в ложбинку между ног. При движении руки указательный и средний пальцы проходили по передней части левого её бедра, большой палец – по правому бедру. Пальцы, попавшие между ног – потирали соприкасающиеся между собой внутренние стороны бёдер. Перешёл рукой на внешнюю часть её левого бедра, повёл вверх. Завёл пальцы под резинку ободка ноги. Просунул руку глубже. Погладил и помял ягодицу. Освободив свою левую руку, он приподнялся, встав на колени. Взялся обеими руками, за боковины трусиков, медленно потянул их вниз. Она, снова перевернувшись на спину и опершись на локти, приподняла таз, облегчая их снятие. Он залез головой под одеяло. Стянул трусики до конца. Не вылезая из-под одеяла, бросил их туда же, где были его трусы. Она легла на спину.

Оставаясь под одеялом, он положил свою правую руку ей на правую ногу и начал гладить вверх и вниз от колена до середины бедра и обратно. Левую руку – на её левую грудь, и стал мять её, переходя от левой к правой и обратно. Губами коснулся живота.

Она положила свои руки, ему на затылок и поглаживала его коротко стриженую голову.

Нашупав пупочек, он кончиком языка сделал несколько кругов вокруг него. Добавив слюны, прошёлся языком через пупок вверх. Потеребил поочерёдно оба соска. Вылез из-под одеяла. Сел перед ней на колени, опустив «пятую точку» на свои голени.

– Ты несовершеннолетняя. Ты точно этого хочешь? – решил всё-таки осведомиться он.

– Я очень хочу! Только он у тебя слишком большой... я боюсь.

– Если не хочешь – не будем продолжать. Ты – девушка моего друга, я – тоже чужой парень. К тому же я преступник. Совратил малолетку.

– Да какая я малолетка?! – обиделась она, тоже присаживаясь на колени. – Я может побольше твоей Юльки повидала в жизни!

Она потянула на себя одеяло, прикрываясь.

– Да ладно... чё ты завелась-то? – парировал Иван.

– Если ты не хочешь – тогда не будем! Я вон в большую комнату тогда пойду спать! – резко сказала она и указала головой на гостиную, затем смягчилась и добавила: – Только я теперь не усну. Я *очень* тебя хочу!

На слове «очень» она закатила глаза и обвела ими окружность. Потом улыбнулась и, смотря Соловьёву в глаза, нежно взялась ладонями за его затылок. Одеяло свалилось им на ноги, обнажив её маленькую красивую грудь с торчащими сосочками. Ваня положил ладони ей на талию и стал поглаживать, двигая руками вперёд и назад вдоль пояса.

– Если бы не хотела – не легла бы, с тобой в одну постель, – ещё мягче проворковала она и уже с обидой продолжила: – А ты меня вон раздел... – Света взглянула на свои ноги, мол: «Полюбуйся!», – а теперь: «Может, ты не хочешь?»

Она сморщила нос, и покачала головой из стороны в сторону. Кривляясь, изобразила как Соловьёв якобы произнёс эту фразу. Потом поцеловала его в губы и продолжила свой монолог:

– Я ещё вчера, как только тебя увидела – сразу же захотела. А потом про дискач заговорили. И про то, что я у тебя останусь... – она, вздыхая, снова закатила глаза и прикусила нижнюю губу. – Да ещё и без Юльки!

Она расширила свои глаза, выражая удивление и радость, которую испытала вчера. Затем прикоснулась своим лбом к его лбу и забегала взглядом с одного Ваниного глаза на другой и обратно.

– А как ты сказал, что голенький спать будешь – я полночи ворочалась, уснуть не могла. А Ваня даже не спрашивал ничего, не то что предлагать что-то. Сегодня целый день только и думала о том, как мы с дискача приедем и займёмся... – она помолчала, облизнув губы, давая понять, чем займёмся. – Трусы вон все мокрые. Перед дискачем поменяла, в пакете

вон две пары лежат, после душа тоже чистые надела. Постирать кстати надо, – она отрешённо посмотрела в сторону зала. – А ты на меня днём даже не смотрел. Я уж стала думать, что ты и правда вчера пошутил. На дискотеке прижмусь к тебе, прям теку вся, а ты как камень. Правда пару раз почувствовала, что не только ты, но и у тебя – как камень!

Она, вздёрнув бровями, улыбнулась. Опустила глаза на уровень Ваниного таза и сдвинула одеяло с его ног, пытаясь рассмотреть, что у него там.

Хоть Соловьёв и загораживал своим телом свет, падающий из окна, но предмет её интереса даже в тени был отчётливо виден. На улице было уже утро.

– М-м-м... – снова приподняла она брови, загадочно улыбнувшись. – И вообще, – вдруг резко сказала она, – мне девятнадцать скоро будет, а не восемнадцать! Я соврала!

– Соврала? Зачем?

– Не знаю. Я всегда так говорю при знакомстве. Интересно за реакцией наблюдать. Если не веришь – могу паспорт показать.

– Покажи конечно. Я надеюсь, что ты не заявишь, но мало ли что? На нары мне совсем не хочется. Ещё и по такой нехорошей статье.

Девушка поднялась и вышла из спальни, эффектно виляя своим упругим задом. Она нагнулась над сумочкой и стала рыться в ней, демонстративно отклячившись. Она нагнулась специально ниже нужного и на прямых ногах. Её «булочки» раздвинулись, несмотря на то, что ноги были скрещены, а под анусом показались блестящие от влаги соблазнительные и манящие губки. Она стояла и переминалась с ноги на ногу, словно бы шагая на месте. От этого губки тёрлись друг о дружку.

Вернувшись и всем своим видом выражая насмешливый упрёк, Света протянула Ивану свой паспорт.

Тот развернул «книжицу» и устремил взгляд на дату рождения.

– Это скока? – задумался Соловьёв. – Две тыщи на-на-на минус тыща девятьсот на-на-на-на-на-на? Девятнадцать?! Тебе – девятнадцать?

– Скоро будет.

– А! Сентябрь! Точно! Сейчас же июль, – выдохнул парень. – Блин! Светка! Так это ж вообще круто! А чего ж ты мучилась-то вчера? Чего Ване-то не сказала? Потрахались бы с ним вчера по нормальному!

– Не знаю. Забыла, что соврала. Не сообразила, что он слишком правильный и именно из-за этого не пристаёт ко мне. Да и вообще! Борода эта его! Колючая! Бесит!!!

– Ну так это... – воодушевлённо проговорил Ваня и зашвырнул паспорт на швейную машинку, – это же совсем другая история! У меня вон чё! Лопнет щас ваше от напряжения!

Он указал глазами на свой уже снова поднявшийся и пульсирующий от сильного возбуждения орган.

Она снова вожделенно промычала, взглянув туда же. Затем медленно легла на спину, закатывая глаза и, раздвинув ноги, потянула Ивана за собой.

Нависая над ней, он упёрся руками в ложе. Его правая нога снова оказалась у неё между ног. Он перевёл и левую ногу туда же. Свет из окна теперь хорошо осветил её прекрасное стройное гладкое не очень загорелое молодое и упругое тело. Доселе или прикрываемое одеялом или находящееся в Ваниной тени, но им так ещё и не увиденное.

Ключицы сильно выпирали. Стоячие маленькие груди слегка колыхались от дыхания. Маленькие тёмные ореолы стоячих сосков отчётливо выделялись на светлой коже. Поверхность тела была гладкая, практически без родинок. Живот был втянут, кожа торса натянута на ребрах. Не естественно чётко окантованный прямоугольник из светлых, также не естественно коротких и очень редких волосков украшал её лобок. Видимо он был подбрит по контуру и скорее всего острижен. Всё рассмотрев, Ваня лёг на неё всем телом. Его орган надавил ей на лобок и живот.

Они поцеловались.

Она стала пальцами натягивать кожу на его спине. Хватала и легко пошлёпывала по ягодицам. Несильно царапала спину короткими ногтями.

Он снова сел на колени между её ногами, внимательно рассматривая и изучая её тело.

Она заложила руки за голову.

Он взялся обеими руками за её шею. Медленно повёл ладони по туловищу вниз. По пути помял груди. Несколько раз покрутил соски, закручивая и оттягивая их вверх, а в верхней точке – отпуская. Прошёлся ладонями по рёбрам, по бокам, дошёл до бёдер. Большими пальцами – по оси тела от грудины через пупок к возжеленному лобочку. Пошелестел несколько раз вверх и вниз по лобковым волоскам. Натянул кожу на лобке вверх. Потом также сдвинул её вниз. Затем спустился пальцами ниже – через клитор к половым губам. Убрав левую руку в сторону, погрузил только один большой палец правой руки во влажную среду влагалища. Там было очень мокро. Прошёлся им по внутренним стенкам. Несколько раз полностью засунул и высунул его в горячую и мокрую «пещерку». Снял пальцами влагалищную жидкость и смазал ей головку члена. Взялся за свой «корень».

Она, приподнявшись, оперлась на локти и с интересом наблюдала за тем, что он делает.

Он пошлёпал членом по лобку. Несколько раз поводил вверх-вниз кончиком головки по мокрым губам. Начал медленно вводить «ствол» во влагалище.

Она откинулась на подушку. Приподняв ноги, взявшись под ними пальцами за половые губы, развела их в стороны, шире раскрывая «вход».

Иван толкающими движениями медленно начал «входить».

Вдруг она тихо вскрикнула: «Больно!». Резко подняла голову, опустила свои ноги и упёрлась руками в его таз, не давая пройти глубже. Соловьёв не остановил толкающих движений, но стал это делать не продвигаясь вперёд, а «топчась» на месте. Выдержав паузу, он снова начал движение вперёд.

Под натиском Ивана она стала ослаблять хватку, пропуская его внутрь. Иногда снова приостанавливала его продвижение, но удерживая недолго – расслаблялась, а он продолжал углубляться.

Вошёл полностью.

Она положила голову на подушку и раскинула руки.

– А-а-ах-х-х... – оскалившись и сморщив лицо, вымолвила она. – Всё...

– Угу-м... – покачал головой Соловьёв.

– Большой ты... чуть не порвал...

Он плавно начал двигать тазом, выводя и снова втыкая свою «палку».

Она тихонько застонала в такт его толчкам.

Её дырочка была очень тугая, но хорошо смазанная. Его «корень» легко скользил внутри неё.

Он нагнулся и поцеловал её в губы. Снова поднялся. Постепенно стал наращивать темп. Потом замедлил. Взял её за лодыжки. Поднял их вверх, заставляя её выпрямить ноги. Перехватил за ступни. Развел их в стороны.

Она оказалась довольно гибкая. Правая её нога, которую он держал в левой руке, плавно опустилась, распрямившись полностью горизонтально. Иван, стараясь не выпускать её из своей руки, провёл ладонью, по внутренней части ноги от ступни через колено по бедру к паху.левой её ноге опуститься так же полностью горизонтально, но в противоположную сторону, как позволяла растяжка – «на шпагат», мешала стена, и он положил её к себе на плечо. Обхватывая эту ногу своей правой рукой, прошёлся ладонью так же по внутренней стороне ноги – от ступни по голени через бедро к промежности. Погладил ладонями вдоль паха по внутренней стороне бёдер в непосредственной близости к её промежности, не останавливая при этом движения тазом.

Всё её обнажённое тело освещалось уже довольно ярким светом из окна. Разведённые в стороны ноги почти на шпагат широко раскрывали её «тюльпан» наслаждений. Редкая растительность лобка стояла полупрозрачным прямоугольником, не отбрасывая тени. Она постанывала, тяжело дыша в такт его движениям. Её руки то ласкали свои ягодицы и бедра с внешней и с внутренней стороны, то так же поглаживали вдоль своего паха, как это недавно делал Иван, то ласкали живот, то мяли груди, то потирали щеки и лоб, попутно убирая с лица и расправляя волосы.

Соловьёв отодвинул её ногу от своего плеча. Надавливая рукой на ступню, дал ей понять, чтобы она согнула ногу в колене. Потом опустил ногу справа от себя, коленом облокотив на стену поверх своего бедра. Провёл обеими руками по её ногам от коленей к промежности. Сближая свои руки друг к другу, соприкоснув между собой указательные и большие пальцы, он образовал «рамку», в которую заключил её лобок и свой член, непрерывнодвигающийся внутри её влагалища. Затем, разводя руки в стороны, повёл ими выше по бедрам. Взялся за талию. Пошёл по животу, грудной клетке. Полукруги, образованные его ладонями, одним концом которых служили большие пальцы, а другим – все остальные, подвел к подножию её грудных холмов. Перемещаясь ладонями по поверхности «холмов» вверх, смыкая полукруги ладоней в круги, а их в свою очередь сужая к вершинам, зажал сгибающимися походу движения пальцами соски и оттянул их вверх.

Она, внимательно наблюдая за этим, оскалившись, вдыхая сквозь зубы, цыкнула:

– С-с-с-с-с...

На пике натяжения, Иван резко отпустил соски.

– Ах-х-х-х... – выдохнула она.

Грудь опали и колыхались, принимая естественную свою, первоначальную форму.

Несколько раз снова закручивая соски и оттягивая их вверх на максимальную высоту – снова отпускал их, наблюдая колыхание груди. Помял груди. Несильно покрутил соски кончиками пальцев. И продолжал движения своего члена в «туннеле» её влагалища. Вперёд-назад... вперёд-назад...

Пальцами левой руки провёл от груди через живот к лобку. Большим пальцем поиграл с мягкими волосками на лобке, несколько раз потеряв светлый прямоугольник, вызывая шелестящий звук. Прикоснулся к клитору. Надавил на него. Легко помассировал. Не прекращая толчковые движения тазом, правой рукой взял её за подбородок. Указательным и средним пальцами провёл по губам влево и вправо. Настойчивым движением заставил раздвинуть челюсти и просунул пальцы ей в рот.

Она несколько раз обвела языком вокруг них.

Поймав её язык в нижнем положении, подушечками прижал его к нижнему нёбу, остановив его. Потёр его шершавую поверхность.

Продолжая входить и выходить, внимательно при этом рассматривая тело девушки, и особенно от того, что массировал клитор – он возбуждался всё сильнее. Чувствовал, что оргазм приближается. Вышел из неё.

Пошлёпывая правой рукой по её ягодице, безмолвно дал ей понять, чтобы она перевернулась.

С его помощью она перевернулась и встала на четвереньки. Затем согнув руки в локтях, опустила голову на подушку.

Положив свою левую руку ей на крестец, правой рукой Иван направил кончик члена к заветной манящей «пещерке». Несколько движениями члена вверх-вниз вдоль половых губ, раздвинул их и, взявшись обеими руками за её таз, толкающими движениями стал аккуратно вводить свой «локомотив» к ней в «депо». Войдя на всю длину задержавшись на мгновение в этом положении, он начал производить естественные для такого момента возвратно-поступательные движения тазом, ощущая своим членом тугую гладкую и горячую дырочку.

– Прямо... до матки... достаёшь... – с трудом, тяжело дыша, выговорила она.

Соловьёв промолчал, продолжая втыкать в неё свой член, постепенно немного ускоряясь. Левой рукой, сперва погладив ей по спине, стал хватать и мять болтающиеся от своих же толчков её груди, закручивать соски.

Её сильно зажатый анус имел цвет светлее обычного тёмно-розового. Он был того же цвета, как и вся поверхность кожи желобка между широко разведенными её ягодицами.

Смочив слюной большой палец правой руки Ваня смазал Свете анус и начал настойчиво, но аккуратно и медленно вводить палец в тугое отверстие.

Почувствовав это – она немного приподняла голову над подушкой. А как только его палец проник на половину фаланги в туго зажатый анус, она, резко распрямив руки, поднялась на четвереньки и, обернувшись на Ивана, испуганно воскликнула:

– Может... туда не надо?!

– Я не буду глубоко, – ответил он.

Она постояла ещё немного на четвереньках, а убедившись, что он не просовывает свой палец глубже одной фаланги, успокоилась и снова опустила голову на подушку.

Соловьёв медленно вращал палец внутри её ануса по часовой стрелке при введении его внутрь и против часовой – вынимая. Постепенно ускоряя темп движения тазом, он, согнув палец, чтобы не углубляться больше чем на первую фалангу, стал играть им – быстро сгибая и разгибая его, придавая дрожащие движения с каждым погружением понемногу углубляясь.

Она, тяжело дыша и постанывая, просунула свою правую руку между своих ног ладонью вверх и с каждым Ваниным входом легонько прихватывала его мошонку пальцами.

– Я... уже... скоро кончу! – с трудом проговорила она.

– Давай! – скомандовал он, тоже ощущая приближение «взрыва».

Углубившись к ней в анус на всю длину пальца, продолжая крутить им в её гладком отверстии, средний палец левой руки положил на клитор. Позаимствовав смазку с половых губок, так приятных на ощупь, начал легонько массировать его, постепенно наращивая силу нажатия и темп.

Дотрагиваясь до её гениталий – его возбуждение возрастало. Пульсация тянущего дрожания простаты в его промежности становилась всё сильнее и продолжительнее.

Её стоны с каждой секундой становились протяжнее и громче.

Иван входил в неё на всю длину своего толстого «инструмента». Всё интенсивнее крутил пальцем внутри её ануса. Всё чувственнее массировал клитор.

Она стонала в полный голос. И вдруг тело её стало напрягаться. Она по-кошачьи выгнула спину. Замурив глаза и оскалившись, втягивала воздух сквозь зубы, издавая звук:

– С-с-с-с-с...

Вдруг она на мгновение замерла, максимально напрягая все свои худые мускулы, зажав и без того тесным влагалищем Соловьёвский «кол».

Соловьёв замедлил движения тазом, но не остановился.

– И-и-и-и-и-и... – начала она тихо, увеличивая громкость, протяжно выдыхать.

Её тело забило в конвульсиях. Она ахала в полный голос с каждым конвульсивным движением своего тела.

Пальцем, погружённым ей в заднюю дырочку, Иван почувствовал анальную пульсацию. Членом – вагинальную.

Её конвульсии понемногу утихая, становились всё слабее и реже. Она лежала расслаблено, выпятив «пятую точку» вверх, изредка ещё подрагивая.

Ваня чувствовал, что его оргазм уже очень близко. Вытащил из ануса палец, замедлив на самом выходе его кончик. Вынул из влагалища сильнонапряжённый стоящий под сорок пять градусов выше горизонта член. Толчком левой руки в бедро повалил её на правый бок. Взял руками под коленями, перевернул её на спину. Развёл ноги и снова вошёл.

Она ахнула и, снова успокоившись, лежала, тяжело, но тихо дыша, положив правое предплечье на переносицу, прикрывая им свои глаза, а левую руку выпрямив вдоль тела.

Ванин член легко скользил по мягкому, хорошо смазанному, податливому, но всё ещё туго охватывающему его лоно. Довольно резко входя и чуть медленнее выходя, каждый раз делая небольшую паузу перед выходом.

– Он у тебя больше стал! – сказала она, удивлённо посмотрев ему в глаза, убрав перед этим руку с глаз и положив её себе на низ живота, как бы прощупывая движение его члена внутри себя.

Иван быстро глянув ей в глаза, положительно кивнул головой. Затем так же быстро вернул свой взгляд обратно – ей между ног.

– Только не в меня! – воскликнула она.

Он снова одобрительно покачал головой и продолжил своё приятное возбуждающее и неумолимо приближающее его к оргазму рассматривание её лобка, возвратно-поступательных движений своего члена, как при этом волнообразно шевелятся её половые губки и подрагивает клитор, огибая неровную бугристую поверхность члена, как соприкасаются и приятно трутся друг о друга их лобковые волосы, как блестит от обильной смазки его член и её половые губы.

Ноющее дрожание в его промежности стремительно нарастало. Он сделал еще несколько движений тазом и, вытащив член, начал мастурбировать.

– Можно я? – спросила она и, не дождавшись ответа, убрала его руку, взяла своей правой рукой его член, продолжив мастурбацию, а левой – мошонку, перекатывая пальцами яички.

Смена рук немного отодвинула приход семяизвержения, но после семи-восьми, может быть десяти повторений раскрытия и закрытия головки, чувство приближения оргазма, резко нарастая, пришло в свой апогей и Соловьёв «выстрелил», издав при этом рычание.

Первые капли спермы попали ей между грудей и на шею. Слегка испугавшись от неожиданности, она резко прижала головку члена к своему животу. Следующие капли, вырываясь из канала «ствола», заполняли её пупочную впадину.

«Извержение» и конвульсии стали утихать, пока совсем не закончились, но она ещё продолжала мастурбировать уже немного обмякший член.

Иван сидел между её ногами с закрытыми глазами, держась трясущимися руками за её колени и тяжело дышал.

Выпустив его яички, она приложила руку к своему животу с боку, чтобы предотвратить растекание спермы. Отпустив и член, она начала сгонять разбрызганную по грудной клетке сперму к центру пупочной ямки.

– Щас я... полотенце дам, – трудно выговаривая слова из-за одышки, сказал Соловьёв. – Только в ванну схожу.

Он встал и направился в ванную, держа свой «инструмент» правой рукой. Обмыл его жидким мылом, к этому времени уже немного обмякший. Вытерся полотенцем. На всякий случай обработал «Мирамистином», пару раз брызнув внутрь мочеиспускательного канала. В гостиной достал из шкафа полотенце. Положил ей на живот. Расправив его, промокнул лужицу спермы. Перевернул. Обтёр остатки. Перевернув полотенце ещё раз, вытер всё досуха. Бросил полотенце на пол. Залез на кровать к стене. Упал лицом на подушку.

Она ушла в ванную.

Ваня накрылся одеялом и лёг лицом к стене. Когда она вернулась он уже задремал.

Она тихо подобно кошке залезла под одеяло. Прижалась своим голым телом к его спине, закинув на него ногу и руку.

Выдыхаемый ей воздух проходил по его спине, колыхая растущие там волосы.

Они уснули.

Проснувшись в середине дня, как ни в чём не бывало они встали, умылись, позавтракали.

Иван хотел предложить ещё разок заняться сексом, но почему-то так и не решился. А она вела себя так же, как и вчера днём, не проявляя инициативы. Складывалось ощущение, что ночное приключение было сном.

Она ушла, легко кинув: «Пока!»

Соловьёв остался дома.

День зарплаты

глава 1. Финслужба

Был обычный апрельский пятничный день. Но для кстовского военного училища этот день был не совсем обычным. Это был день зарплаты.

Касса находилась в штабе училища, на третьем этаже.

Штаб – это высокое четырёхэтажное здание. Квадратное по фундаменту – «свечка». Стоящее на углу перекрёстка. К нему примыкают и тянутся вдоль двух пересекающихся дорог два учебных корпуса.

На первом этаже штаба напротив входа по центру зала стоят четыре толстенных квадратных колонны. Две впереди и две за ними, образуя своим периметром квадрат. Между колоннами вдаль простирается красная ковровая дорожка, уходящая ступеньками на возвышение. Проход закрывает цепочка в темно-бордовом бархатном чехле, наподобие ограждения экспонатов в музеях. Между передними и задними колоннами тоже натянуты такие же цепочки. Задняя сторона дальних колонн, объединена стенкой, и в нише хранится Знамя училища. Внешний периметр, образованный колоннами обозначает границу поста.

Если говорить точнее, то на посту в стеклянном саркофаге хранилось два Знамени: Революционное – из бордового обветшавшего бархата с ликами вождей революции, вышитыми золотом; и обычное полковое знамя – шёлковое алого цвета тоже с советской символикой; а также там хранился штандарт Инженерных Войск с современной символикой. Полковое знамя и штандарт выносили на все военные праздники, требующие выноса знамени полка. А революционное никогда не трогали. Глядя на него, казалось, что если его взять и начать размахивать им, к примеру, как Мальчиш-Кибальчиш, то оно рассыплется в труху. Даже если представить, что его просто взяли и куда-то аккуратно понесли, то складывалось впечатление, что от потряхивания при переноске оно тоже начнёт рассыпаться.

Охраняли знамёна караулом – «Первый пост». Часовой стоял в парадной форме на специальной тумбочке возле саркофага. Тумбочка представляла собой возвышение на полступеньки, площадью с крышку обычной прикроватной тумбочки. Она была оборудована датчиком тяжести с передачей сигнала в караульное помещение. Сходить с неё разрешалось только во время смены часового.

С правой стороны от поста, как иконостас, висели белые гипсовые плиты. На них – золотыми буквами – фамилии и инициалы окончивших училище на золотую медаль. Слева в ближнем углу за специальным пультом сидели дежурный и дневальный по штабу. А в дальнем углу за стеклом, в так называемом «аквариуме», несли свою службу оперативный дежурный по гарнизону со своим помощником.

Первые этажи учебных корпусов не имели переходов сообщения со штабом. Со вторым корпусом здание штаба было соединено вплотную, а между первым корпусом и штабом, была арка – проход во внутренний «глухой» дворик, образованный «третьим» учебным корпусом, который буквой «Г» примыкал одним своим торцом к первому корпусу, а другим – ко второму.

На уровне второго этажа из второго корпуса уже можно было попасть в штаб по специальному проходу с приглушённым тусклым светом, как в каких-нибудь бункерах или катакомбах, с постоянно закрытыми, но не запертыми дверьми. Из первого корпуса в штаб попасть можно было только на уровне третьего этажа. Пол, которого являлся потолком выше упомянутой арки. Соответственно и из одного корпуса в другой тоже можно было пройти через штаб.

На втором этаже штаба, располагался начальник училища – генерал со своим адъютантом и двумя Замами. Первый Зам – прямой – Заместитель Начальника училища. Его так и называли – «Первый». Второй – Заместитель начальника училища по воспитательной работе. По-старому, по-советски: «зам полит» (заместитель по политической части). В вестибюле возле их кабинетов тоже царил полумрак.

Для общей массы военнослужащих проход через штаб был строго запрещён. Беспрепятственно там могли ходить только избранные. Начальник училища, все его замы, генеральский адъютант и ещё несколько лиц, которым разрешил сам генерал. Ещё доступ был разрешён для уборщиков. Всем остальным, включая и начальников кафедр, ходить туда было нельзя, да не очень-то и хотелось. Не дай Бог попадётся на глаза генералу или его Замам, особенно замполиту, начнётся воспитательный процесс часа на полтора. Не зря говорят: «Самая короткая дорога – в обход начальника».

Второй учебный корпус был двухэтажным, поэтому на уровне третьего этажа, штаб соединялся только с первым корпусом. Причём уже, не через специальные проходы, а так, как будто это одно здание. Но всё-таки ходить туда без надобности запрещалось. Надобности в хождении по третьему и четвёртому этажам штаба особой не было, но если очень надо, и даже если тебя замечали, что ты там «шаришься», то всегда можно было «отмазаться», что ты «книгонош». На втором этаже – «генеральском» отмазаться было практически невозможно, книгоношам там тоже нельзя ходить. Есть шанс только если у тебя в руках ведро с тряпкой. И то по регламенту уборка в определённое время. «Почему не в установленное время здесь?» – а дальше: «Пошли к дежурному по штабу!» И давай дежурного сношать на пару с горе-уборщиком. А если выяснится, что ты и не дневальный вовсе – то тут такой кипиш поднимут... И командиру роты, и всем его начальникам по первое число влетит.

Книгоноши – это люди, которые книги носили из библиотек на занятия или сампо – самостоятельную подготовку. Основная библиотека находилась на втором этаже во втором корпусе. Посещать её мог любой учащийся, в любое время, но лучше, чтобы это было время сампо, то есть после обеда. А чтобы в перерывах между занятиями не создавать там толпы и не выписывать на каждого курсанта отдельную книгу, что несомненно увеличивало бы время – выписывали сразу несколько учебников на одного или двоих, заранее назначенных курсантов с чemo-данами для переноски книг, список которых был в библиотеке.

Кроме обычных книгонош в каждой учебной группе были ещё назначены «секретчики». Только этим товарищам был разрешён доступ в «секретку»⁴ и в «ДСП»⁵, которые находились в штабе на четвёртом этаже, и занимали весь этаж.

Четвёртые этажи первого корпуса и штаба так же не имели путей сообщения. В корпусе был тупик, без дверей и проходов. Видимо были заложены кирпичом, если вообще, изначально проектировались. Связано это было, скорее всего, с «секреткой».

На третьем этаже штаба располагались тыловые службы, во главе со своим начальником – Заместителем Начальника училища по материально-техническому обеспечению (МТО), по-советски – зам по тылу или зампотыл. Также здесь находился отдел кадров. Перед выпуском, к начальнику этого отдела (кадровику), направлялись золотые медалисты и краснодипломники. Они имели преимущество перед остальными выпускниками и могли выбрать из имеющихся и представленных на карте России место прохождения дальнейшей службы.

Финансовая служба является одной из служб тыла. Соответственно располагалась она здесь же. Начальником службы был молодой перспективный, очень амбициозный и для многих курсантов с неприятно раздражающими манерами, арийской внешности, по всей видимости, из-за прибалтийского происхождения, капитан Виткаускас. Курсанты звали его – «Вискас». За глаза конечно. Но были и пофигисты, которые могли и в глаза ему это сказать, не считаясь с тем, как это может отразиться на собственной судьбе. Ведь Вискас был генеральским зятем, а это чего-то да стоило. Большинство учащихся всё-таки готовились стать офицерами и понимали, что этого делать не стоит, чтобы не испортить себе карьеру, ну и ещё, из уважения к погонам. И как бы он кого не выбешивал, относились к нему не со злостью, а с юмором – «зятёк». А где

⁴ Секретка – на сленге – библиотека для хранения секретной литературы.

⁵ ДСП – аббревиатура названия библиотеки для хранения литературы, предназначенной Для Служебного Пользования.

финслужба – там и касса. Причём она размещалась ближе всех остальных помещений штаба третьего этажа к учебному корпусу.

Сегодня здесь был аншлаг. Толпа курсантов галдела. Вискас несколько раз выходил и делал замечания своим писклявым голоском, в своей раздражающей всех манере: напускной важности, строгости и, даже, может быть, злости, показать, что он здесь начальник – «пуп земли». Курсанты, между собой, посмеивались над его замечаниями, тихо огрызались, чтобы тот слышал, но не понял, откуда «прилетел огрызок», но в конечном счёте всё-таки утихали под пристальным взглядом Вискаса.

глава 2. Нинель

На курсантской квартире, которая находилась в том же доме, где проживала Розана, сегодня намечалась вечеринка. Зарплата как-никак! Событие! Сегодня туда собиралось большое количество ребят. Если с увольнением будет облом – в самоход уйдут.

Были приглашены несколько девушек. Среди них – Розана, Нинель, и ещё парочка – Олеся со своей двоюродной сестрой Ольгой.

Выходные тоже уже были распланированы. Пока деньги есть – гуляй! Как закончатся – палец соси! В субботу после занятий Соловьёв собирался поехать в Нижний Новгород к своей девушке – Кате и привезти её сюда – на свою территорию. В прошлые выходные, так же в ночь с субботы на воскресенье, он гостил у друзей, где с ней и познакомился. Они, сначала в кафешке, а под утро, у кого-то дома, веселились, танцевали, пили на брудершафт, обнимались, целовались, сгорали от страсти и желания, но заняться сексом – было негде. В этот раз она останется у него и у них всё случится. И даже если ночью кто-то, кроме них окажется в квартире, то всё равно никто им не помешает, ведь они закроются в его комнате. Но это будет только завтра.

Во время вечеринки все общались, распивали спиртные напитки, слушали музыку, смеялись.

На определённом этапе, каждый кто заходил в ванную, включая свет, видел одну и ту же картину: абсолютно голенькая Нинель со своими аппетитными формами стояла «раком», держась за край ванны, а над ней возвышался своим могучим смуглым и тоже голым телом, один из курсантов, и втыкал в неё свой член. Её большие мясистые груди сотрясались при каждом толчке. Она тихонько стонала, стараясь делать это как можно тише, чтобы никто не услышал. Ей это удавалось, но дверь в ванную не запиралась, поэтому если не на слух, то на глаза случайным свидетелям они всё равно попадали.

Этому курсанту, которых в курсантском кругу называли «членистоногими», согласно поговорке: «куда член – туда и ноги», было абсолютно безразлично увидят его в таком положении или нет. Но он, нависающий в данный момент над Ниной, не прекращая своих манипуляций с ней, всё же оборачивался на входящего и, махая рукой показывал, чтобы тот не мешал им и удалился, но делалось это только ради приличия, мол: «Не смотрите на Нину! Она не такая! Ну и мне заодно не мешайте».

В курсантской среде даже считалось круто, если тебя заставляли за этим порочным, но весьма приятным делом. Такой случай поднимал твой статус.

Для некоторых курсантов рассказать товарищам о своих венерических заболеваниях было не то что не стыдно, а можно и даже нужно. Рассказчику казалось, что поведав об этом, он поднимается в глазах слушателей. Ведь «венеру» можно «заработать» только через половой контакт, а значит, ты его точно имел, значит – «мужик».

Если же тот, кто становился невольным свидетелем сего действия, которое происходило в ванной, был из числа слабого пола, то это давало «членистоногому» возможность показать себя, что называется «в бою». С возможной завистью к нагибаемой в данный момент особью того же пола, и с возможностью в последствии и «свидетельнице» оказаться в этом не пристойном, но вполне приемлемом, а главное приятном положении.

Возможно, что сама Нинель и не замечала того, что кто-то заходит и видит её в таком непристойном виде, а может быть «это» (то, что её видели) ей даже нравилось. Потому что она никогда не проявляла ни капли смущения. Она была любвеобильная. И «в ней побывали» многие из курсантов. А она всё продолжала, как ни в чём не бывало всем мило улыбаться. Некоторые называли её «сестрой милосердия». Она была ко всем добра, приветлива и безотказна.

Женское «население» хаты и те, кто поскромнее, увидев занимающихся сексом в ванной, просто гасили свет и уходили. А кто был понаглее, мог подольше понаблюдать, наслажда-

ясь увиденным. И даже сделать ещё несколько замечаний, подсказок или комментариев, пока «членистоногий», погоняло у которого было «Большой», не сделал ему жест кулаком, мол: «Проваливай! Не то, получишь!»

Большой и вправду был большим. Но дело было не в росте. Роста он был среднего – менее 180-ти сантиметров, а вот в ширину он был действительно большой, да ещё и с мощной накаченной мускулатурой. И силой обладал недюжинной. Одним словом – богатырь! «Большой».

Вечеринка началась и закончилась. Увольняемые побежали отмечаться. С ними направились по домам и Розана с Ниной, и Оля – сестра Олеси. У тех, кто был в неофициальном увольнении – в самоходе, ещё оставалось немного времени до прибытия в подразделение, ведь отмечаться у дежурного по училищу и переодеваться из парадки в х/б было не надо, а сразу через забор в казарму, главное успеть на вечернюю прогулку.

В квартире остались: Соловьёв, которому вообще не надо было никуда уходить, один из близнецов – Андрей, второй близнец – Серёга, стоял в наряде, Большой и Саня «Румын» – ротный барабанщик. Олесья, изрядно подвыпившая, которую Соловьёв едва знал до этой вечеринки, видел раньше раза три, сказала, что не желает даже в сопровождении сестры и кого-то из мужчин отправляться домой и останется ночевать здесь. Соловьёв был не то что «не против» этого, а двумя руками «за». Но считав себя хоть немного джентльменом, предупредил её, что кровать нормальная с постелью в этом доме только одна, и на ней спит он, и ей придётся делить эту кровать с ним. Олесью это обстоятельство нисколько не смутило, и кроме всего прочего она попросила у Соловьёва футболку вместо ночнушки.

Все были «подшофе» и чувствовали себя как дома, и «своими в доску», не соблюдая какой-либо дресс код, и не придерживаясь хороших манер. Было жарко, и ребята ходили по квартире в одних трусах, тем более что все кому надо было возвращаться в училище – приняли душ и давали своему телу «подышать».

Олесья тоже уже успевшая принять душ ходила по квартире в любезно предоставленной Соловьёвым футболке, используя её вместо халатика или платица, или, может быть, – ночной рубашки, которая еле-еле прикрывала её зад. Под футболкой не было бюстгалтера, так как торчавшие соски сильно выдавались из-под тёмно-синей ткани футболки. То ли оттого, что ей было сильно жарко, то ли оттого, что после душа они поднялись наоборот из-за прохлады свежести, то ли от наслаждения осознания того, что вокруг столько молодых мужчин волею судьбы смотрящих на неё. Но они торчали самым бесстыжим образом, и это было видно. И она об этом знала, что все видят, но не делала ничего, чтобы как-то это скрыть. Возможно, в этом она испытывала какое-то своеобразное наслаждение. А вот трусики скорее всего были на ней. Футболка хоть и была очень короткой, но всё же скрывала от назойливых курсантских глаз наличие данного предмета её одежды. А если размышлять логически, то это было бы чрезмерно вульгарно и неприлично, ходить на глазах голодных до женского тела молодых мужчин в коротёхонькой футболочке, еле прикрывавшей попу, а если бы она решила нагнуться, то все её прелести были бы у них на виду. И дефилировать без трусиков без лишнего стеснения в данных условиях, на такое способны, наверное, лишь проститутки. И те дамы, которые могут быть к ним приравнены, а именно переспавшими или собиравшимися переспать прямо сейчас со всеми присутствующими, и вполне возможно, что одновременно. Либо это может быть девушка абсолютно не отдающая себе отчёт. В остальных случаях должна быть маломальская порядочность и скромность.

Олесья не относилась ни к одной из вышеперечисленных категорий. Мало того она ни с кем из присутствующих, ещё не делила постель. Хотя с Румыном и Андреем была знакома уже довольно продолжительное время. Короче, трусики у неё были на месте.

Она была невысокого роста. Может быть, чуть выше Розаны. Но если уж сравнивать её с Розаной, то не на столько худая. Телосложение её было нормальное, естественное. Мяса на костях – в меру. До анорексии далеко. Жира лишнего тоже нигде не было. Маленькая голова

на не слишком длинной шее, с тёмными недлинными прямыми волосами, со стрижкой под Клеопатру – «Каре». Но не совсем под Клеопатру, волосы несколько короче, чем у египетской царицы, только до шеи достают, может быть из-за того, что шея не так длинна как у Клео, а чёлка не выстрижена, а длинной – вровень с остальными волосами, до подбородка, расходится по сторонам, а иногда на одну сторону, по настроению. Все волосы снизу одной длины. Личико белое кругленькое симпатичное слегка курносенькое миловидное очень приятное. Тёмные довольно широкие брови крыльями ласточки «разлетались» над тёмными карими глазами. Ресницы тёмные короткие, видимо опалённые. Курит. Ротик узкий, губы пухленькие. Вообще никогда не использовала макияж. Поэтому её лицо было всегда естественно красиво. Кроме того, что курит был ещё один недостаток – сильно хриплый голос. Про такие голоса говорят – пропитой, прокуренный.

Большой был пьян, сыт во всех пониманиях этого слова и с улыбкой удовлетворения, словно кот наевшийся сметаны, сидел в кухне на полу под окном. Так ему хотелось – сидеть на полу. Лицом к двери, прислонившись спиной к радиатору отопления. Был уже одетый и готовый в любой момент выдвинуться в сторону училища. Сидел и дремал, иногда, молча приподнимая голову и, приоткрыв один глаз, наблюдал за какими-то внезапно по его мнению происходящими вокруг него процессами.

Кухонька была маленькая. Посередине правой от входа стены стоял обеденный стол, за столом у окна – холодильник. По левой стене: мойка, кухонный стол с ящиками, газовая плита. За плитой было пустое место, там стояла большая картонная коробка. Туда обычно убирали опустошённые бутылки, которыми уже была завалена вся кладовая, и куда они уже не умещались. А над этим всем на стене висели кухонные полки с дверцами для посуды и другой кухонной утвари.

Близнец, Соловьёв и Румын находились тоже на кухне, допивали чай. Румын в камуфлированных х/б брюках и с голым торсом сидел за столом на табурете у холодильника. Иван в шортах и футболке – стоял в ближнем левом углу, опершись «пятой точкой» на мойку. А близнец – Андрей, всё ещё прибывая после душа в одних трусах, так же как и Соловьёв – присев на край обеденного стола, стоял лицом к входу с кружкой в руке.

Когда Олеся вошла в кухню, поравнявшись с Андреем, на мгновение остановилась возле него, стоя к нему правым боком, тот бесцеремонно кончиками пальцев легонечко почесал ей «булочки», запустив их снизу под короткий подол футболки. Она не подавала вида, что почувствовала это, но не задержалась на месте, а прошла дальше к центру кухни и, повернувшись спиной к плите, оперлась на неё.

Брат Андрея Сергей, старший из близнецов, на полчаса старше брата, нет-нет да и навещался к Олеся утолить плотское желание. Так сказать – на секс по дружбе.

Зная об этом и видимо пользуясь правами брата-близнеца, Андрей и сделал этот жест. Может быть с надеждой, что и он когда-нибудь окажется с ней в одной кровати.

– Сделайте мне чаю, пожалуйста, – попросила она, обращаясь ко всем, обеда всех глазами.

– Я сделаю, – сказал Румын и подошёл к плите, показав Ивану жестом, чтобы тот дал ему кружку из полки над мойкой.

Олеся передвинулась ближе к мойке, прислонившись теперь к кухонному столу.

Иван подал Румыну кружку. Тот налил из чайника ещё не остывшей после кипения воды, достал из полки над столом чайный пакетик, бросил в кружку и отдал её Олеся.

– Если сахар хочешь... – вон там... – показал Румын на стол за её спиной. – Ложка в столе.

Она поставила кружку на стол.

– Я вообще так устала! – протянула она, позёвывая, опустив голову подбородком к груди, выгнув спину и вытянув в потягивании сцепленные между собой руки ладонями к полу.

При потягивании вверх, она показала бы всем своё нижнее бельё. Понимая это, она потянулась именно так – вниз.

– Когда вам там уже идти-то надо? – потянувшись, спросила она.

– Минут через двадцать, – ответил Андрей. – А ты что, гонишь, что ли нас? Из собственного дома?

– Да!.. Вас выгонишь пожалуй! – с усмешкой выпучив глаза, покачала она головой. – Собственный дом? У тебя вон... там собственный дом. А сюда побухать приходите. Да кочан свой попарить... у Нины.

Говоря про собственный дом, она показала в сторону училища, а про Нину – ехидно ослабилась.

– Ха! – воскликнул Большой и заплетающимся языком выговорил: – Но-но... Не надо петь военных песен! Это касается только меня. По крайней мере сегодня.

– А чё, твой что ли дом? – шутливо возмутился, обычно невозмутимый и вечно улыбающийся Румын.

– Я этого не сказала. Хотя не плохо бы тут поселиться отдельно от родаков.

– Да и мы не против! – радостно воскликнул Андрей. – Да, Вань?

– Угум-м... – потягивая из кружки горячий чай, промурлыкал Соловьёв. – Да... вообще не вопрос. Тем более, что ты сегодня ещё со мной спишь.

– Да! Мы спим! Без всяких там! – подняв брови и покачав поднятым вверх указательным пальцем, предупредила она.

Вдруг зазвонил телефон Андрея.

– Алё!

– Чё, где вы там? Скоро? – слышалось из трубки.

– А чё, кипиш что ль?

– Нет... пока... Через сколько будете?

– Да всё, собираемся. Минут через пять выдвинемся. Минут через пятнадцать будем.

– Поторопитесь лучше.

Он нажал на кнопку завершения вызова.

– Брат звонил. Волнуется. Давай собираться будем, – пояснил он всем.

– Свой дом... свой дом... – с саркастической грустью на лице, распевала Олеся, качая вправо-влево одновременно рукой и головой, как бы с сожалением прощаясь с уходящими, как прощались на закрытии Олимпийских игр в Москве в 80-м году с улетающим в небо мишкой.

– Ладно-ладно... Мы с тобой ещё встретимся, – прищурившись, сказал Андрей, указывая пальцем на «певицу».

Все засуетились, начали одеваться.

– Ладно, давайте парни! – прощаясь с каждым за руку, провожая за дверь, сказал Иван.

глава 3. Волшебные руки

Закрыв входную дверь, он пошёл в спальню. Олеся уже ложилась. У Ивана дёрнулся и слегка отвердел пенис, когда он увидел, как она залезает под одеяло.

– Я с краю буду спать, – сказала она. – Я всегда с краю сплю.

– Хорошо, – не стал спорить Иван. – И что, мы будем просто спать?

– Да. Что, с сестрой никогда не спал?

– Спал. Но с так малознакомой сестрой ещё нет.

– Тогда представь, что мы давно знакомые – брат и сестра. Всё! Спи! – Олеся, зевнув, потянулась. – Я в футболке не могу спать. Сниму.

Она стянула, не вылезая из-под одеяла, футболку, и бросила её на стул рядом с кроватью.

– И как я теперь усну? – проговорил Иван.

– Представь, что я твоя сестра и спи.

– У меня не получится.

– Твои трудности. Я устала. Давай спать.

Она, закрыв глаза, сладко зевая, потянулась ещё раз, улеглась на спину и успокоилась.

Иван лежал рядом с молодой симпатичной полуголой девушкой. Да даже и не то, что полуголой, а почти голой – в одних трусиках. И то – это было всего лишь предположение. И ему казалось, что его возбуждённый член упирается ему в подбородок. Сердце колотилось как сумасшедшее в вечерней, почти ночной тиши, раздавая в его голове боем индейских тамтамов. Мысли гложили самолюбие: «Как же так? Говорят же: «Пьяная баба – пизде не хозяйка!» А я её уломать не смог. Грёбанная моя скромность, моё стеснение! Никогда не хочется, чтобы кто-то о тебе плохо подумал, в данном случае – она. А кому скажи – как подумают? Засмеют! Кому это будет интересно, как она обо мне подумала? Но с другой стороны... я и так и эдак к ней. И главное она-то сама: кроме того, что ночевать осталась в одной постели со мной, так ведь ещё и легла не в одежде, а попросила что-то полегче, а потом и это «полегче» – тоже сняла. То есть телом своим говорит: «Бери меня», а словами говорит: «Представь, что мы брат и сестра». Как её понять?! Где тут логика?!»

Она сладко засопела как ребёнок. Лежала такая вся – прекрасная и, под одеялом, почти голая. Иван пристально прислушался, присмотрелся: действительно ли она уснула?

Да, она спала.

Переборов себя, приподнял одеяло. Её маленькие груди мирно покачивались от медленного ночного дыхания. Он положил левую свою ладонь на ближайшую к себе, левую её грудь. Член просто неистовствовал, вырывался из трусов, разрывал их в клочья. Ощущение того, что он упирается в подбородок, не оставляло его ни на секунду. Аккуратно погладил.

Она лежала не шевелясь, провалившись уже в крепкий, глубокий сон. Алкоголь в её крови был помощником Ивана в его коварном плане.

Он перевёл руку на дальнюю от себя грудь. Тоже погладил.

Это было чудесно. Кожа гладкая, ровная, без каких-либо изъянов. Ореолы маленькие, не слишком тёмные. Соски от его прикосновений напряглись и затвердели. Давно он уже не испытывал нечто подобного. В прошлые выходные он, конечно, полапал Катю, но это было совсем не так как сейчас. Тогда он был сильно пьян, что притупляло чувства. Удалось, лишь в спешке, пока никто не увидел, урвать всего пару коротких мгновений. И, кроме того, всё прошло без созерцания, просто – руки под одеждой. Ещё, с Катей это было обоюдно, что было вполне обычно и не добавляло романтики. Здесь же вероломно-преступная таинственность без сомнений возбуждала гораздо сильнее.

Немного смелее он снова погладил ближнюю грудь. Потеребил сосок. Возбуждение было неимоверно сильным. Адреналин зашкаливал. Кровь ударила в голову. Сердце бешено коло-

тилось, отдавая в виски. Дышать стало тяжелее. Дыхание участилось. Он опустил одеяло, снова укрыв её. Провёл рукой вниз по животу. Кожа такая же гладкая и ровная. Резинка трусиков. Трусики. Лобок. Правая её ляжка, по ней немного вниз, возвращение вверх – по другой. Снова трусики, лобок. Через ткань ощущалось наличие лобковых волосков. Снова приподнял одеяло, аккуратно откинул его в ноги.

Она была словно спящая красавица. Красивые черты лица были мягки и неподвижны в сумраке комнаты: закрытые глаза, курносый носик, чуть раскрытые, манящие к поцелую пухлые губы, ровные аккуратные зубы белели меж губ. Худая шея, ключицы, руки вдоль тела. Грудины вздымались при вдохе. Маленькие груди стояли пирамидами, завершаясь острыми вершинами маленьких сосков в окружении небольших ореолов. Живот немного провален, слегка выпяченные рёбра. Тёмная ямка аккуратного пупочка. Обычные, тонкого трикотажа трусики, с простой волнистой оборочкой, верхней и опоясывающих ноги резинок, мягко облегли лобок, образуя вертикальную складку на месте разреза половых губ, так называемое и манящее всё нутро Ивана – «верблюжье копытце».

Запустил руку под резинку трусиков. Замер, наблюдая за её реакцией. Лежит. Всё без изменений. Прелез рукой дальше.

Тонкая аккуратная вертикальная полоска недлинных волосков на лобке. Кожа лобка тоже гладкая. Такая невыносимо приятная. Возбуждение достигает своего пика. Клитор, в разрезе мягких половых губок. Сами половые губы. Указательным и средним пальцами проник между ними: мягко, тепло, скользко. Нежно потёр, стараясь, чтобы пальцы скользили между губами. Остановился. Всеми четырьмя пальцами, несколько раз потёр промежность, от клитора до задней стенки. Аккуратно, стараясь не разбудить, ввёл два пальца во влагалище. Начал медленно, но ритмично вводить и выводить их, стараясь задевать при этом и клитор.

Она лежала неподвижно. Лицо её не менялось, соски затвердели как камень. Во влагалище стало влажно.

Иван сдвинул переднюю часть трусиков вниз, оголяя лобок. Он был превосходно красив. Тёмная полоска волос очень гармонировала со смуглой кожей. Это была любимая Ванина «причёска». Он увеличивал темп и глубину проникновения.

Её лицо всё так же было не подвижно, но дыхание стало более громким, более глубоким и более частым.

Он сгибал и разгибал указательный и средний пальцы в её «пещерке». Крутил кистью, проворачивая их внутри. Осуществляя возвратно-поступательные движения, вводил глубоко, на всю их длину, и выводил наружу, придерживая трусики мизинцем и безымянным пальцем. В следующий миг, засунув пальцы на всю длину, кончиками стимулировал переднюю стенку влагалища, и возможно – точку «G».

Мышцы её лица начали несильно изредка подрагивать. Дыхание стало тяжелым шумным и глубоким, но всё ещё оставалось довольно равномерно медленным. Промежность сильно увлажнилась. Смазка размазывалась Ваниными пальцами по половым губам, лобку да и в общем по всей промежности. Возможно, что капля-другая упали вниз к анусу, на внутреннюю сторону трусиков.

Он смело продолжал вводить и выводить в неё свои пальцы.

Вдруг она, неосознанно, на инстинктивном уровне, обеими руками схватила за его руку и стала дёргать её, заставляя интенсивнее погружать пальцы во влагалище. Наконец, окончательно очнувшись от сна, широко раскрыв глаза и рот, выпятив вперёд губы, приподнявшись с подушки с одновременным глубоким вдохом, напрягая всё своё обнажённое тело, издала протяжный и низкий, то ли тихий крик, то ли громкий стон, но почти во весь голос. И, выдохнув почти полностью, забила в конвульсиях оргазма. Потом снова глубоко вдохнула и снова, но теперь прерывисто – в такт вздрагиваний от нахлынувшего сильного чувства, простонала.

Затем снова вдохнула и задышала тяжело, часто и глубоко, всё так же держась за его руку своими руками, стараясь глубже пропихнуть её в себя.

В последний миг, перед тем как она схватила его руку, Иван ощутил, как влагиалищные мышцы сдавили его пальцы. Мышцы пресса явно проступили у неё из-под кожи на животе. А во время того, как она, приподнявшись, задышалась от сильнейших конвульсий, он чувствовал пальцами, как сокращаясь, пульсирует её влагиалище.

Иван испугался того, что она может разгневаться на его вероломное посягательство на её «киску», очень переживал из-за этого и, будучи воспитанным, извинился за свою наглость. Но, всё же предвидя такое развитие событий, мужественно ожидал от неё возможного всплеска негативных эмоций и даже множественных пощёчин.

– Да за что ты извиняешься?! – воскликнула она в ответ на извинения, отстранив от промежности его руку, но, всё ещё не выпуская её из своих рук. – Такого со мной ещё ни разу в жизни не было.

– Ну... всё равно, как-то неудобно получилось. Разбудил тебя.

– Да что тут неудобного? Неудобно спать на потолке – одеяло падает! А у тебя всё очень даже хорошо получилось! – воодушевлённо восклицала она. – Ты своими пальцами подарил мне самое лучшее в жизни пробуждение. Твои пальцы – волшебные.

Она посмотрела на его «волшебную» руку, всё ещё держа её и потирая от восхищения. Потом отбросив её от себя, накинулась целовать его в губы. Он ответил взаимностью. Она перешла губами к нему на шею, на грудь. Кончиком языка облизала поочерёдно вокруг сосков. Ушла ниже. Схватившись за трусы, смотрела на вырывающийся из них «стебель».

– Терпишь давно уже, да? – глядя на орган, задала она риторический вопрос.

Немного спустив трусы, освободила не маленький член. Тот в свою очередь спружинив, поднялся вертикально и, раскачиваясь, пульсировал от безумного возбуждения.

– Ого! Ничё се! – удивлённо обрадовалась она.

Стащила трусы полностью, бросив их на пол. Потом суетливо встала на ноги прямо на кровати и стянула свои трусики, бросив их вслед за Ваниными. Потом, уставившись на член, упала на колени между его ногами. Нежно взяла «ствол» руками и набросилась на него ртом. Она охотно и с видимым удовольствием ритмично задвигала головой вверх и вниз, с довольно большой амплитудой и скоростью и при этом смачно причмокивая.

Иван, балдея от удовольствия, откинулся на спину и тихонько постанывал.

Она, левой своей рукой, то придерживая предмет её интереса, то массируя свою левую маленькую аккуратную и изнаывающую от желания грудь, а правой рукой – поглаживая Ване по груди, продев пальцы в волосы на ней, ворошила их. Периодически вытаскивая член из рта, она пошлёпывала им себе по губам и языку. Облизывала его с разных сторон. Тербила кончиком языка уздечку. Наслаждаясь при этом своими действиями.

Продолжая это ещё какое-то время, она отстранилась от Ивана и, укладываясь на спину, головой в противоположную сторону от него – «валетом», игриво сказала:

– Теперь твоя очередь...

Иван поднялся и, раздвигая пошире её ноги, поцеловал её «туда». Она была уже снова сухая и приятно пахла гелем для душа. Он аккуратно лизнул вдоль половых губ кончиком языка, акцентировав на клиторе.

Она тихо простонала от наслаждения.

Он нежно лизнул сначала слева, потом и справа от «норки». Провёл языком справа налево по её аккуратным, можно сказать красивым, половым губам. Максимально расширив язык, сильно и медленно провёл им вдоль половых губок, стараясь широко раскрыть их и пройти по внутренней их поверхности. Он лёг грудью на кровать, руками обхватив её приподнятые ляжки. Правой ладонью нежно поглаживая то по внутренней стороне бедра её левой

ляжки, то по животу, то ласкал поочерёдно её груди. Пальцами левой руки ласкал лобок, перебирая волоски в чёткой узкой полоске, то раздвигая половые губы, то теребя клитор.

– Прости! Поддержаться не за что... – смущённо сказала она, имея в виду свою маленькую грудь.

Целуясь с Розаной, в тот вечер, когда Иван остался с ней наедине, это было всего несколько дней назад, он всё-таки успел пощупать её грудь, и снова сравнивая Олесю с ней, груди Розаны были несколько больше Олесиных. У Олеси грудь была нулевого размера. В меру упругая, в меру мягкая. Ни капли лишнего жира. Очень симметричная, с мягкими очертаниями. Ивану такая грудь нравилась больше всех грудей на свете. Не нужны ему были ни четвёртый, ни пятый размеры. Большие груди по его мнению, в большей степени бывают слишком обвислые, а если не обвислые, то в руку не умещаются. В общем, Олесиные сиси, опять же по его мнению, были идеальными. Кроме того, её интимная причёска тоже была идеальна, да и вообще на данный момент она была для него королевой.

– Всё отлично, – томно говорил он, успокаивая её. – Мне как раз такие и нравятся. Я не люблю большие сиськи. Наверное, я не нормальный, но это действительно так. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

Он рьяно начал лизать её «киску», проводя языком вдоль половых губ снизу вверх от задней стенки влагалища до нижней части лобка, где начинается полоска из волос, через клитор, проваливаясь им во влажный «цветок» влагалища. Иногда он останавливался и, раздвинув пальцами половые губки, максимально раскрывая клитор, теребил его кончиком языка. Потом снова продолжал вылизывать всю «киску».

Она застонала почти в полный голос. Её ахи и охи вырывались из неё с каждым проходом языка. А когда Ванин язык акцентировался на клиторе, она высоким тоном протяжно пищала, потом делала передышку – часто-часто дыша и дёргаясь, затем снова пищала.

– Я сейчас снова кончу, – предупредила она, писклявым голосом.

– Если хочешь – кончай! – на секунду, чтобы только сказать это, оторвался он от своего важного дела.

– Подожди... Остановись... Я... с тобой вместе... хочу, – отстраняя его голову, задыхаясь, умоляла она.

Он, ничего не ответив, взяв её за руки, помог ей подняться и перелечь головой на подушку. Потом плюнул в руку и смазал головку, торчащего выше горизонтального уровня члена. Пристроившись у неё между ног, он приложил головку к возжеленной дырочке. Мелкими толчками ввёл член на половину, и ещё двумя, более длинными, – вошёл полностью, и лег на неё всем телом.

Она шумно дышала, шёпотом ахая на каждый толчок, помогая ему войти, раздвигая пальцами свои половые губы.

Он поцеловал её в губы. Медленно, но ритмично задвигал тазом, стараясь входить в неё, как можно глубже. Своими руками взялся за обе её «булочки» и стал их мять. Снова поцеловал. Языком потеребил мочку уха. Пальцами правой руки, огибая свой член, ласкал половые губы, стараясь просунуть к ней в лоно одновременно с пенисом указательный палец. Взяв пальцами немного выделившейся из влагалища жидкости, он приставил указательный палец к анусу и смазал его. В следующий миг надавив пальцем на плотно сжатое кольцо ануса, проник первой фалангой внутрь и начал круговыми движениями углублять его, насколько только позволяло положение руки. Потом начал вводить его и вытаскивать обратно, медленно повторяя это многократно.

Возбуждение его было велико и оргазм приближался. Он максимально широко раздвинул свои ноги, чтобы оттянуть его приход. Вынул палец из её ануса, обтёр его о простыню. Поднялся вертикально. Взялся обеими руками за её маленькие, болтающиеся от его толчков груди, стал мять их. Закрутил и оттянул соски. Она попросила больше этого не делать. Он

согласился с замечанием и обещал, что не будет делать так впредь. Хотя ему и очень нравилось играть с сосками: теревить их, закручивать и оттягивать, но для него было важнее, чтобы они оба чувствовали себя комфортно и получали удовольствие. Он продолжил ласкать груди, гладить их, мять, иногда всё-таки кончиками пальцев брался за соски, но легко, не сильно, ласкающе теревил их.

– Давай позу сменим, – предложил Иван.

– Ага. Не выходя.

– Угум-м... – одобрительно покачал он головой.

Он поднял её правую ногу себе на плечо. Затем, отклонив голову назад, перекинул её на правую от себя сторону.

Она повернулась на левый бок, стараясь, чтобы Ванин «змей» не покинул её «норку», положив правую, только что переведённую ногу на левую, сведя их вместе. Затем, аккуратно переворачиваясь на живот, одновременно приподнимая таз, чтобы исключить выход члена из влагалища, медленно встала на четвереньки.

Иван оказывал ей помощь на всех этапах переворачивания, придерживая её то за ноги, то за бёдра, то передвигая свои ноги, чтобы освободить место для её ног.

Она встала на четвереньки, плотно сдвинув ноги. Ваня левой рукой прикоснулся к лобку и продвигался к промежности, проходя пальцами сквозь жидкую мягкую растительность. Пальцами, протиснувшись между сдвинутыми ногами и растопыривая ладонь, показал ей, чтобы она раздвинула пошире свои ноги. Она разомкнула их. Он поставил свои ноги между её ног и, разводя свои, раздвигал и её ноги.

Её ноги разошлись друг от друга максимально широко.

Он начал двигать тазом в возвратно-поступательном направлении, медленно вводя своего «зверя» к ней в «норку» и на секунду задерживаясь внутри, выводил его наружу. Постепенно увеличивая темп, втыкал в неё свой «корень», всё яростнее шлёпая своими ляжками по её зад. Шлепки были звонкими, погружение максимальное. Он держал её за великолепные округлости бёдер, иногда отрывая руки, ласкал ей спину, бока. Её талия хорошо выделялась небольшими впадинами в боках. Иван вёл по её бокам обеими руками одновременно от подмышек к бёдрам, проваливаясь в эти впадины на узком перешейке талии, смыкая между собой большие пальцы своих рук на её спине и снова размыкал их, «поднимаясь» (в горизонтальной плоскости) ладонями на «холмах» её бёдер. Хватал за болтающиеся от его толчков свисающие остроносими конусами груди, и грубовато мял их. Центром ладоней с растопыренными пальцами дотрагиваясь до свисающих сосков, потом придавливая их к её груди, расплющивая, легко прикасаясь к подножию пирамид подушечками пальцев, соскальзывал ими к вершине конусов, легонько оттягивая сосочки и через миг отпуская их. Это было подобно каплям жидкости, стекающим к вершине перевёрнутого конуса, образуя одну большую каплю, которая, набрав критическую массу, срывалась вниз. Ещё он, взявшись ладонями снизу за её ключицы, направив пальцы вверх, плотно прижимая их к её телу, вытягивал руки на себя, при этом проводил ими от ключиц через груди по животу, выводя на бёдра. Хватался за ягодицы и мял их поочерёдно то правой, то левой рукой. Подобно коту, топчущему от удовольствия лапками. Держась левой рукой за её бедро, набрав на большой палец правой руки немного слюны, смазал ей анус и начал круговыми движениями продавливая его, погружать палец внутрь.

Она издавала стон при каждом вхождении члена в неё. Немного постояв, опираясь на прямые руки и поняв, что Иван переключил своё внимание с её груди на ягодицы, согнула руки и опустила голову на подушку, разведя локти в стороны. Потом вытянув их вдоль тела, начала, дотягиваясь только правой рукой, ощупывать и ласкать Ванины ноги. Просунув руку между своими ногами, пощупала, поиграла яичками, перекатывая их с пальца на палец. Затем перестав тянуться, когда они уходили назад, стала просто поддавливать их при приближении во время углубления члена во влагалище, нежно и тихо при этом постанывая.

Погрузившись на одну фалангу к ней в анус, он стал прокручивать палец внутри ануса, загибать и разгибать его. Просто засовывать его туда, как можно глубже, делая на глубине круговые движения. А останавливая его движения, ощущал через тонкую перегородку задней стенки влагалища, как двигается его немаленький «инструмент» в теплом мягком и скользком «тоннеле» вагины.

Она стонала ритмично вместе с вхождением в неё Ваниного члена. Но иногда, когда палец в анусе доставлял ей усиление ощущений, её стоны сбивались с задаваемого Иваном ритма. Она почти выкрикивала стоны не в такт его движений с одновременным ёрзаньем, извиванием и приподниманием туловища, разгибанием рук от нестерпимо приятных ощущений. Но потом, успокоившись, снова ложилась щекой на подушку и продолжала снова стонать в ритм вхождения члена во влагалище.

Иван предложил ей сесть на него верхом. Она согласилась. Он вышел из неё и лёг рядом с ней на спину.

Она, оставаясь всё в той же позе, немного отдышавшись и придя в себя, поднялась, перекинула свою левую ногу через него и уселась верхом на его ноги. Потом отодвинулась назад, к его ступням и ухватила руками за его пульсирующий орган.

– Я ещё хочу пососать его... – с виноватым видом, сказала она.

– Пожалуйста.

Она опустила голову и принялась вылизывать яички. Сначала лизала мошонку снизу вверх – от ануса к агрегату, потом стала обводить языком вокруг неё круги. Затем, расширив язык, чтобы поверхность соприкосновения была максимальной, медленно повела им вверх – вдоль мочеиспускательного канала – от основания к головке. Несколько раз обвела вокруг головки, потербила уздечку, залезла кончиком языка в отверстие. Широко раскрыв рот, обьяла губами головку. Затем, отводя голову назад, образуя во рту вакуум, втягивая головку в себя, соскользнула к её вершине, и, смыкая губы, причмокнула. Повторила это ещё несколько раз. Потом взяла член в рот на максимальную глубину и довольно быстро стала двигать головой вверх-вниз, скользя губами по «стволу».

Ивану эта процедура доставляла безумно приятные ощущения. Но всё-таки минет менее интенсивен, чем вхождение внутрь вагины, и немного отдалял его от оргазма. А в данный момент – максимального возбуждения и быстрого приближения к эякуляции, это как раз было на руку. Нужно было «отдохнуть».

Вынув изо рта член, она пошлёпала им себе по губам. Затем, сначала по одной, потом по другой своим грудям. Приподнявшись, раздвинув ноги и приблизившись тазом ближе к тазу Ивана, пристроилась «киской» к кончику его органа. Аккуратно присела, легко «поглотив» большую «палку». Встав на колени, она начала приподниматься и опускаться, скользя по «стволу» половыми губами. Опустившись, максимально глубоко сев на член, она стала делать движения в горизонтальной плоскости, скользя своей «киской» по лобку Ивана. Это были сильнейшие ощущения. С каждым движением назад – в сторону его ног, она стонала всё громче, дышала всё тяжелее и глубже.

– Я скоро уже... – с трудом выговорила она.

– Давай! – так же, с трудом ответил Ваня, придерживая её за ягодицы. – Я тоже... скоро...

Она заёрзала круговыми движениями. Начала мять свои груди. Потом снова опираясь руками, то на Ванины ноги, то на живот, начала прыгать, со шлепками бухаясь ягодицами на ноги парня.

– Да... да... быстрее... – сама себя умоляюще подгоняла она.

Он видел её во всей красе. Её груди телепались из стороны в сторону, то подпрыгивая кверху во время начала её движения вниз, потом резко опускались и как бы клевали, опуская сосочки, когда она, достигнув промежностью Ваниного лобка, останавливалась, чтобы снова подняться. Её не длинные волосы подпрыгивали вверх и бесшумно хлестали ей по щекам. И

всё это многочисленно повторялось вновь и вновь. Возвратно-поступательные движения вверх-вниз были довольно быстрыми.

Когда она держалась за его ноги, выгибаясь грудью и животом вперёд, ему представляла перед глазами вся прелесть её милого курносого лица, её превосходных маленьких грудей, плоского, а иной раз ещё и втянутого животика, узкой талии и восхитительного лобка с тёмной узкой полоской мягких волосиков.

Ощущая, как пенис плотно обхватывают внутренние стенки её влагалища, и в дополнение к осязанию – наблюдая перед собой зрительно, в непосредственной близости, прекрасное девичье тело во всех интимных подробностях, а так же её метание от надвигающейся бури чувств, его возбуждение усиливалось и достигало пика. Он чувствовал, что вот-вот «грянет гром».

– Я всё, сейчас кончу уже... – несколько испуганно, предупредил он. – Вставай!

– Нет. В меня...

– Как, в тебя? Мне дети пока не нужны!

– В меня... В меня... В меня... – заладила она, подпрыгивая как в седле на скачущем коне.

– Я... я... я уже... всё-ё-ё-ё... – прорычал он.

– Я-а-а-а... то-о-оже-е-е... – протянула она и, корчась от конвульсий, громко – в полный голос начала ахать.

Кроме её коротких стонов и продолжительного рычания Ивана, слышался чавкающий звук переполненного разными жидкостями влагалища.

Вырывающаяся из члена сперма растекалась по всей полости лоно. И, смешиваясь с жидкостями, выделявшимися самим влагалищем, заполняя его пространство, как в законе Архимеда, – вытеснялась входящим (погружённым) телом Ваниного «поршня». И вытекала наружу: на лобок и мошонку Ивана.

Она, прыгая и извиваясь, насаживалась на член. Преимущественно старалась делать это, как можно глубже. Не понимая куда себя деть то приподнимала одно колено, то опускала его. То другое поднимала и опускала. То, выгибаясь, откидывала голову назад, то нагибалась вперёд. Помимо сильнейших ощущений нахлынувших волн оргазма, она чувствовала своим нутром, как ей прямо в преддверье матки бьёт пульсацией фонтанчик спермы.

Конвульсии утихали.

Они никак не могли отдышаться. Но всё же, замутнённый сильнейшими ощущениями разум, потихоньку возвращался к ним.

– Когда... одновременно кончают, – начала она свой вывод, глубоко и часто вдыхая, – значит... организмы друг другу... идеально подходят.

– Круто! – воскликнул он в ответ. – А ты не хотела.

– Я... хотела... – немного смущённо сказала она. – Просто... неудобно как-то... Мы мало знакомы. Да и... честно говоря, спать хотелось.

– Неудобно спать на потолке! – вернул он ей поговорку.

Она одобрила, покачав головой и сказала, проводя пальцем по мокрому от спермы лобку Ивана:

– Как много у тебя! Вся задница мокрая.

Распрямив ноги, упираясь ступнями Ване в подмышки, немного приподнимаясь, но не выпуская из себя уже немного помегчавший «ствол», стала оценивающе разглядывать: «Сколько же там вытекло?»

Потом снова подогнув ноги, она приподнялась, держась за промежность, и член выскользнул из хорошо смазанной дырочки.

– Сейчас всю простыню измажем, – предупредила она, всё так же держась за «киску» обеими руками, укладываясь рядом с Иваном, на правый бок, ближе к стенке.

– Вот. Вытри, – протянувшись за изголовье кровати и взяв со стула полотенце, сказал он, отдавая его Олеся.

– Он у тебя увеличился перед тем как ты кончил. Я прям почувствовала, – сказала она, тщательно вытираясь. Потом отдала полотенце обратно и добавила, разглядывая свой лобок: – Всё равно в душ надо.

– Пошли.

– Нет-нет. Я одна.

– Почему?

– Принципиально. Это слишком интимно.

– То есть, сейчас было не интимно?

– Это другое...

– В ванной вообще замечательно трахаться! Вода усиливает ощущения. По крайней мере, так говорят. Сам я этого не заметил, когда у меня было... Но трахаться – очень приятно.

Он вспомнил как в отпуске после окончания четвёртого курса у него был секс с одной «альпинисткой» в её ванной. Её так прозвали, потому что она через балкон с этажа на этаж спускалась. Она была соседкой Суворова по квартирному тамбуру. Очень удобно было: Суворов с Ди у себя, а он со своей подругой в соседней квартире. А даже чаще они все вместе зависали у этой соседки. Её родители в отъезде были. Хата пустовала.

– Тебе мало? – продолжала Олеся.

– Да нет! Мне нормально. Я... вообще.

– Нет... – повторила она, задумавшись. – В ванной, нет... Я сексом заниматься в постельке люблю. А в ванной одна люблю быть. Не обижайся.

– Да ладно. Иди одна. Я не обижаюсь.

Она перелезая через него, прижалась к нему грудью и поцеловала в губы.

– Это было великолепно. Одна из лучших моих ночей, – мило улыбаясь, сказала она. – Если бы сразу тебе дала, то было бы не так, а обычно. А так, получилось волшебное.

– Ум-м... спасибо, – польщено улыбнулся он.

Она ушла и долго лила воду. Иван лежал с улыбкой блаженства, «перелистывая» назад только что пережитое. С юмором вспоминая, как перед этим его член «упирался ему в подбородок».

Она пришла. Иван быстренько сходил, ополоснул с мылом пенис и вернулся. Более предохраняться необходимости не было – Олеся чистенькая. Иначе бы Серёга – один из близнецов уже лечился бы, а он рассказывал, что трахает её без презерватива.

– Я с краю, – лёжа под одеялом и укрытая по горлышко на краю кровати, напомнила она.

Иван молча перелез через неё. Они обнялись, просунув друг другу ноги между ног, «присадив друг друга на коня». Силились в недолгом поцелуе и, обнявшись, уснули.

Утром Иван дал Олеся денег на противозачаточные. Они поцеловавшись у подъезда. Договорились увидеться вечером. И разошлись в разные стороны. Вечером, здесь снова будет пир.

Уже ближе к одиннадцати вечера Иван привёз из Нижнего Новгорода Катю. На хате уже было шумно и весело. Олеся тоже была здесь. Снова со своей сестрой.

Улучив момент, когда Кати не было рядом с Соловьёвым, Олеся с расстроенным видом прошептала:

– Всё. Не будет у нас дочки с беленькими волосами и голубыми глазками...

«Однорукий бандит»

глава 1. Замполит

Воскресенье. Середина ноября. Холодно. Снегу много насыпало. Обычно в Волжском только в декабре такая погода. Купаться можно вплоть до октября ещё.

Начало очередной итоговой проверки в учебке. Завтра понаедут полковники да подполковники из Москвы, из Управления.

Официально проверка наступает в понедельник. Но по сложившейся традиции в этой части она начинается в день, предшествующий официальному началу. В этот день весь личный состав части трудится с подъёма и до отбоя. Так было и в этот раз.

Весь день суета, последние приготовления. До-пришивание недостающих бирок. До-глажка обмундирования. Доукомплектование снаряжения. До-подготовка документов и материальной базы. Очередной до-осмотр внешнего вида подразделений. До-уборка территории. До-наведение чистоты и порядка в казармах. И тому подобная ДО-деятельность.

Во время этой подготовительной суеты бывают организованны, почти в каждой роте, а пожалуй что и в каждой, просто не принято об этом распространяться, небольшие праздничные застолья, для того чтобы отметить «начало» и выпить за удачу.

После отбоя, когда высшее руководство части уже покинуло территорию, начинают расходиться чины и меньшего ранга. Комбаты и их замы. Затем ротные звенья – командиры рот – майоры, а наравне с последними и их замы, как правило – капитаны. Потом командиры взводов – тоже капитаны, с ними же старлеи и лейтенанты, а также старшины рот – прапорщики. Но кое-кто из младших чинов остаются для продолжения питейных мероприятий. Это могут быть некоторые командиры рот или с их молчаливого согласия их же заместители или командиры взводов, особенно из числа старых капитанов. А капитанов в учебке – как собак не резанных, – столько же сколько старлеев и лейтенантов вместе взятых. Не зря учебку называют: «кладбищем капитанов». Иногда остаются на подобные мероприятия и старшины рот, те, кто в уважении. Участники, как обычно это бывает в такие дни, уже слегка отметившие полупраздничный день.

Игорь Семёнов, уже старый капитан, заместитель командира роты по воспитательной работе (по-старому, по-советски – «замполит») сидел в каптёрке (кладовой) своей доблестной 5-й роты, уже изрядно подвыпивший с недавно разошедшимися коллегами. Компанию ему составлял уже готовящийся к увольнению в запас (демобилизации) замещающий штатного старшину роты в его отсутствие, здоровенный деревенский парень, ещё и подкачавший немного на службе свою и без того не маленькую мускулатуру – старший сержант Боря. Проявивший себя за время службы как надёжный товарищ, на которого можно положиться и которому можно доверять, и поэтому имеющий уважение у своих командиров.

– Давай-ка, старшина, – уважительно-шутливо приподнимая Борю в должности сказал Игорь, – начисли ещё пятьдесят.

Боря, сидящий за столом напротив Игоря, суетливо подскочил и, схватив со стола уже опустевшую наполовину бутылку водки, наполнил стоявшую перед капитаном стопку. Так как уже был «отбой», и все срочники, кроме наряда по роте должны лежать в кроватях, Боря был в нижнем белье: в солдатских тёмно-синих трусах и бледно-голубой майке.

Сам Боря понятное дело в силу своего положения выпивать не мог и предлагать ему этого никто не предлагал, он был только на разливе. Даже кушать ему было неловко с офицерами, хотя Игорь не один раз предлагал угоститься закусками.

У Игоря завибрировал в кармане мобильник. Он вытянул указательный палец вверх, а другой рукой полез во внутренний карман своей «повседневной» курточки на молнии за телефоном. Достав его и, сдвинув брови, сконцентрировал взгляд на экране.

– О! Ваня! – воскликнул он, приподняв брови и отведя взгляд от экрана в никуда. Затем нажал кнопку приёма вызова. – Да, Вань!

– Игорян, домой едем? – проговорил голос в трубке.

– Заходи ко мне.

– В канцелярию? А ротный твой ушёл?

– Давно уже ушёл. В каптёрку заходи.

– Ага. Хорошо. Давай.

Ротный Игоря – майор Ш., был человеком сурового вида. Настолько же был и строгим. Знающим цену себе и своему времени и делам. Живущим, как говорится: «не на одну майорскую зарплату». Уважаемым не только подчинёнными, но и командирами всех уровней. Командование части ценило и уважало его пожалуй больше, чем некоторых комбатов. Подчинённые же – срочники, в большей степени его боялись, а офицеры – были ему безмерно преданы. Уважение он имел не только в стенах учебки, но и за её пределами. Если не во всех, то в большинстве структур города, включая и неофициальные. Молва о его авторитете в теневой сфере тихим сапом, чтобы не дай Бог он сам этого не услышал, но всё же бежала впереди самого «локомотива». И поэтому не уважать или даже не бояться его было просто невозможно.

– Ща Ваня – летёха с шестой придёт, – пояснил он сержанту, убирая телефон обратно в карман. – Завтра всех выебем! Проверка наша будет!

Продолжал он с воодушевлением и активно жестикулируя от радости предвкушения победы, начатый за бутылочкой разговор о проверке в целом и о её итогах.

Игорь и Иван, который только что звонил Игорю, познакомились ещё во время Ваниной стажировки, которая была в феврале 2004-го, и были взаимно симпатичны друг другу. А когда Ваня по распределению приехал в эту же часть уже офицером, они стали общаться более плотно. Что называется – «скорешились».

За дверью послышался шум, шаги, голоса. Распахнулась дверь. Заглянул Соловьёв.

– Ну чё, поехали? – спросил лейтенант, заходя в душеное помещение старшинской кладовки.

– Садись, братан! Ща чуть-чуть посидим, а потом поедem, – ответил Игорь. – Давай, Борь, организуй стопочку.

Ваня снял новую тёмно-синюю, почти чёрную офицерскую шапку, бросил её на рядом стоящий стул, сел в предложенное ему кресло и расстегнул свой новый тяжёлый бушлат.

Обычно Иван ходил в лёгкой болоньевой камуфлированной куртке, которую приобрел ещё учась в училище, чтобы в ней ехать на стажировку. Но на сегодня и на всю «проверку» было приказание – быть «по форме» в штатном обмундировании. На полевых занятиях – в камуфляже, а на всех остальных – в повседневной форме. Именно сегодня все были в повседневке, а поверх неё – в камуфлированном штатном бушлате на ватной подстёжке с меховым воротником.

Видеть друг друга офицерам и прапорщикам в одинаковой, а не как обычно в разношёрстной и пёстрой одежде, было не привычно. Особенно непривычно видеть их такими было солдатам и сержантам срочникам. Без пристального рассматривания трудно было кого-то узнать. Все они для срочников были, что называется: «на одно лицо». Страшное – начальствующее такое, особенно если со спины.

Боря проворно с видом профессионального бармена достал из потайного ящичка в шкафу ещё одну стопку, протёр её вафельным полотенцем, поставил рядом со стопкой капитана и тут же наполнил.

– Сок подай, – сказал Игорь, снова обращаясь к Боре, выливая при этом остатки сока в стакан, а другой рукой указывая на нижнюю дверцу шкафа позади Бориса.

Боря нагнулся и, открыв дверцу, достал оттуда новый пакет. Так же проворно открутил крышечку, придвинул чистый стакан к центру стола, стоящий до этого несколько в стороне, наполнил его и подал лейтенанту со словами: «Тащ летнант».

Он не страдал дефектами речи, просто так произнести данное обращение быстрее. К капитану, например, могли обращаться: «Тащ тан».

Соловьёв взял стакан, уже держа в другой руке стопку.

– За «Проверку»! За удачную сдачу «Проверки»! – торжественно произнес тост, высоко подняв стопку Игорь.

Они чокнулись и выпили. Поморщившись, запили соком. Закусили бутербродами с колбасой и со шпротами, и, выдохнув, продолжили заедать другими закусками.

Не только Игорь был хмельной. Иван тоже с офицерами своей роты уже немного отметил начало первой своей в этой части «проверки».

За разговорами о предстоящей «проверке» они допили бутылку. Боря из той же нижней дверцы шкафчика, откуда уже доставал сок, достал двухлитровую пластиковую бутылку пива и вяленую рыбу. Рыбу капитан попросил убрать, пачкаться не хотелось, а по кружечке пивка они с лейтенантом выпили и засобирались уходить.

– Борь, ты тут прибери всё, – поводя кругами растопыренной ладонью над столом, скрывив лицо и подмигивая, как бы «по секрету», приказательно, но всё же попросил сержанта Игорь. – Только бутылки бойцам не свети. В пакет. И утром за забор. Хавчик – или сам доешь или вон дневальным отдай. Мы всё. В сторону са-мо-хо-да.

Последнее слово он произнес гнусавя, практически не шевеля губами и понижая тон на каждом слого, при этом пристально глядя из-под бровей на Боря.

Офицеры заправились, убрав портупеи под бушлаты, нацепили свои тёмно-синие меховые шапки с кокардами и, пожав Борису его крепкую руку, вышли из душной пропахшей вяленой рыбой и другими закусками каптёрки.

Выйдя из подъезда на улицу, они двинулись в сторону КПП. Путь к нему лежал мимо казармы шестой – Ваниной роты. Пошли в обход плаца по неосвещённой пешеходной дорожке. То ли по привычке не ходить по плацу, то ли просто, чтобы не идти по открытой местности – по ровной освещённой площади, коей и был строевой плац.

Игорь закурил, предложив Ивану. Тот обычно не курил, но будучи «подшофе» не отказался.

Шли медленно, тихо между собой переговариваясь.

– Ванька! – захмелевшим взглядом посмотрев на Ивана, с не наигранной радостью воскликнул Игорь, захватив его за шею локтевым сгибом. – Ты ваще молодец, что зашёл ко мне!

– Ну... мы же днём договорились вместе домой ехать, – ответил тот спокойно.

– Ща по пивку! Я угощаю.

Они вышли за КПП. Зашли в магазинчик на площади конечной остановки маршруток. Игорь купил две пол-литровых бутылки «Балтики-7» и, выйдя из магазинчика, они сели в стоящую с открытой дверью маршрутку.

глава 2. Бомж

Пока стояли ждали отправки и всю довольно длинную дорогу Игорь что-то рассказывал о своей жене и дочке. Что сейчас они куда-то уехали отдыхать и его дома никто не ждёт. Иван делился, что ещё в сентябре обещала приехать Розана, но что-то не складывалось с увольнением из курсантского бара. Да и мать боится её отпускать неизвестно куда и почти неизвестно к кому. Она только понаслышке знала о хороших качествах Ивана. Курсанты вроде бы все хорошие, но они все всё-таки курсанты. А курсант, сами знаете, о чём думает когда смотрит на трамвай... Правильно! О том же, о чём и солдат – о женском половом органе. А почему? Да потому что – всегда об этом думает. Да и как родную дочурку отпустить от себя да и ещё и за тысячу километров?

Игорю надо было выходить на две остановки раньше, чем Ивану. Решили, что выйдут вместе.

У остановки зашли в магазинчик, купить еще по бутылочке пива. Но в общем тамбуре было две двери. Слева продуктовый, а справа дверь была не прозрачная, и Игорь заглянул во второе помещение. Там было темно. Освещением служил прожектор звездного неба, светивший на тёмно-синие потолок и стены. Это был зал игровых автоматов – «одноруких бандитов». Только вместо ручек, как раньше, были кнопки, а барабаны были электронные, на мониторах. В игровом было три ряда, штук по пять таких аппаратов в каждом. Некоторые из них были заняты. Игорь прошмыгнул внутрь и сел к свободному в правом ряду посередине.

Иван по обыкновению обходил стороной такие заведения, а Игорь иногда захаживал и, осознавая чувство меры, играл. Много никогда не проигрывал, даже чаще – пусть и немного, но всё-таки выигрывал.

Пока Ваня замешкался, потеряв в продуктивном из виду своего приятеля, пока сообразил куда тот подевался и пошёл за ним, Игорь уже запустил в автомат две сотенных купюры. Постучав по клавишам, деньги в электронном виде быстро растаяли. Он закурил и попросил у Ивана «до завтра» 150 рублей. Тот неохотно, отговаривая приятеля от необдуманного поступка, всё-таки дал, ведь: «завтра вернётся, если что».

Игорь, привычным движением запустив купюры в автомат, еще понажимал кнопки, а потом сделав ставку «на все», как говориться «ва-банк», предложил кнопку «пуск» нажать Ване. Ваня нажал.

Долго крутились семь вертикальных барабанов. Потом стали по одному останавливаться. При остановке показывались три поля: центральный, и по одному сверху и снизу. Первый барабан показал по центру «русалку», а над ней «оскаленная акула». Второй, третий и четвертый в центре выдали ту же «акулу». Пятый – «вишенку», шестой – «банан», но у обоих, внизу были «акулы». Седьмой – дал «акулу» в центре.

Вдруг все «акулы» слева направо перечеркнулись тонкой линией, весь аппарат замерцал лампочками, кроме привычных звуков послышался звон монет и заиграла торжественная музыка.

Все присутствующие обернулись на них. Прибежали администратор и охранник. На экране, на фоне всё тех же перечёркнутых «акул», замерцала разными цветами цифра «1500», и стала то увеличиваться, уходя краями за поля экрана, то снова уменьшаться, покачиваясь из стороны в сторону и переворачиваясь вокруг своей оси.

– О, чё это? Полторашка, шо ль? – спросил не понятно у кого Иван.

– Да. Повезло вам, – с завистью в голосе ответил администратор.

– Столько акул первый раз выпало, – добавил охранник.

Офицеры многозначительно промолчали.

– Всё, ребят, мы уходим, – важно, даже несколько надменно произнёс Игорь. – Выигрыш отдайте.

Охранник развернулся и пошёл на своё прежнее место.

– Не останетесь больше? – с надеждой переубедить их, смотря наивным взглядом и часто мигая, спросил администратор.

Это был худенький коротышка. Только теперь его разглядели ребята.

– Нет-нет! – сказал Игорь, и оба военных отрицательно замотали головами. – Всё!

Получив выигрыш и выйдя из заведения, они зашли в соседнюю дверь – в магазинчик за пивом. Выигрыш позволил компенсировать все затраты и ещё оставалось больше тысячи рублей. Они поделили по 500 рублей, а на остаток решили выпить дорогого импортного пива «Карлсберг».

Выйдя из магазинчика и медленно прохаживаясь, друзья, оживлённо весело и громко обсуждали свою неожиданную удачу.

В будке автобусной остановки, на которой они недавно вышли из маршрутки, сидела круглолицая миловидная женщина. На вид ей было лет тридцать. Рядом с ней стоял сильно поддатый мужик, немного старше её. Они о чём-то тихо разговаривали, но став невольными свидетелями веселья, уставились на вояк.

– Ребят, простите, что беспокою, – заплетаящимся, пьяным языком начал мужик, – Но вы так радуетесь! Прямо так рад за вас! Аж самому веселей стало. Если не секрет, сколько выиграли?

– Пятнадцать тыщ! – выпалил Игорь.

– О-о-о... поздравляю! – протянул алкаш, отстраняясь назад, и расставив в разные стороны руки с растопыренными пальцами.

– М-м-м... Молодцы!.. Поздравляю! – приятным голосом, ласково и томно протянула дама.

По ней было видно, что она тоже выпивши. Но её вид, несмотря на это обстоятельство, был довольно благоприятным, в отличие от большинства пьяных женщин. И тем более от её спутника, похожего на бомжа: растрёпанного, в мятой и возможно даже грязной одежде. По крайней мере в темноте казалось именно так.

Она была довольно прилично одета. С аккуратным неярким близким к естественности макияжем. Светлые волнистые волосы средней длины были убраны под красивый тёмно-коричневый с ярким цветастым рисунком платок. Или возможно это был широкий шарф, по-современному аккуратно уложенный, хорошо дополняющий её синее по колено пальто. На ногах – высокие, выше колена, тёмно-коричневые кожаные ботфорты на довольно высоком, выше среднего, по-зимнему толстом каблуке.

– Спасибо, – ответил Игорь обоим.

– А... что теперь... э-э-э... с выигрышем делать будете? – запинаясь, поинтересовался алкаш.

– А это уж, наше дело! – осадил его Игорь.

– Да-да. Извините, – замямлил мужик, выставив руки вперёд, как бы защищаясь, и попятился назад. – Дурак. Не подумавши ляпнул. Извините.

– Может... хотя бы за удачу угостите нас? – так же томно начала говорить женщина, переводя свой интригующий взгляд то на одного, то на другого военного. Потом замешкалась, выбирая варианты, чем бы её могли угостить. – Сигаретой... или пивом.

– Угостить? Конечно, – протянул Игорь. – Ща придём.

Он взял Ваню за рукав и потащил в сторону магазина.

– Давай сейчас подпоим её! – сказал он Ивану на ухо. – Потом мужика «нарыть»! А её...

Он использовал словечко из дефекта речи комбата, вместо матерного «нахуй». К этому прибегали многие, кто был «в теме», чтобы не материться лишний раз, но он не договорил, решив уточнить: – Э-э-э... у тебя ведь сосед в наряде сегодня?

– Да-да. Я сегодня один. Давай! Конечно! Ко мне, – понял задумку друга Ваня. – Я уже сам хотел тебе предложить.

Они купили две бутылки «Балтики» для новых знакомых, и ещё дополнительно домой в пакет на всякий случай две двухлитровых бутылки пива и разных закусок. Вяленой рыбки в упаковке, чипсов, сухариков, колбасы, хлеба и другой мелочи, включая презервативы, каждому по пачке из трёх штук.

– Давайте хоть познакомимся, что ли! – протягивая даме пиво, а затем и руку для рукопожатия, предложил Соловьёв. – Я Иван.

– Игорь, – подавая даме свою руку, представился капитан.

– Элеонора... – отчётливо протянула своё имя дама и, мило улыбаясь, пожала руки сначала Ивану потом Игорю. – Можно просто – Эля.

Игорь вытащил сигареты, всех угостил. Прикурил сам и протянул зажжённую зажигалку Эле.

– Санёк! – подняв брови и вытаращив глаза, представился бомж и потянулся для рукопожатия.

Он был не таким уж и грязным, на сколько ребятам показалось изначально. Просто он был неряшлив, запущен. Куртка на правом плече со спины была немного разорвана и чуть-чуть испачкана, а в общем он был в чистой, только мятой одежде. Из-под вязаной шапки «пидорки» торчали давно не стриженные волосы. Сам был не брит. Ребята, теперь рассмотрев его более пристально, без лишней брезгливости пожали ему руку.

– Чё, упал? – указывая глазами во время рукопожатия на разрыв куртки, поинтересовался Игорь.

– А... да! – захлопал он по плечу, отряхивая куртку. – Прикинь... упал... а там железка из земли торчит... Хорошо, хоть... не головой!

– Вы куда не спешите? – спросил Игорь.

– Да-э-э... да нет! – пытаясь сконцентрировать свои мысли, заключил Санёк.

– Мы просто гуляем. Свежим воздухом дышим, – так же томно, не спеша и нараспев перебила Санька Эля, не дав дослушать его пьяный лепет.

– Может, тогда пройдемся? – предложил Игорь вопросом.

– Почему бы и нет? – сказала Эля и стала неспешно вставать с пригретого места.

– Не май месяц. Можно ко мне. Там тепло, – предложил Иван.

– Ну... ну, ну... – замычал Санёк, покачивая головой, тщетно пытаясь выговорить одобрение.

Офицеры предложили взять их под руку, выставив с двух сторон к Элеоноре свои локти.

– О... как галантно... – приятно удивилась та и со скромной, но довольной улыбкой охотно приняла их приглашение.

Они потихоньку тронулись в сторону Ваниного дома. Санёк обиженно плёлся сзади, что-то бормоча себе под нос.

Элла стала полушёпотом жаловаться на своего «помятого» спутника, стараясь, чтобы тот не услышал:

– Он мой сожитель. Моложе меня. Ему тридцать восемь.

– Моложе тебя? – удивлённо, так же шёпотом спросил Иван. – Извини, что задаю этот вопрос, но ты сама про возраст начала. Тебе-то сколько?

– Да. У нас шесть лет разница. Мне... сорок четыре.

– Да хорош! Тебе лет тридцать, не больше! – недоверчиво улыбаясь, проговорил Игорь.

– Спасибо, конечно, – скромно улыбнулась она, – но моей дочке уже двадцать два.

– Да ладно! – не поверил и Иван. – Вы тут в Волжском все, что ль такие?

Он имел в виду ещё одну девушку, лучше сказать женщину, с которой познакомился ещё летом, когда только-только приехал в Волжский. Та тоже выглядит моложе своих лет, и у неё тоже дочь, правда – девяти лет. Но это уже совсем другая история.

– Да не хотите – не верьте. Я вас заставляю, что ли? Просто делюсь.

– Ну ладно. Извини, – осёкся Иван.

– Короче, он пьёт всё время. Постоянную работу найти не может, а от этого ещё сильнее пьёт. Задрал уже! – с обидой говорила она. – Я его содержу. Сама за копейки... бухгалтер в школе. Да ещё обхаживаю его, обстирываю... А он: что не день, то рваный приходит. Уже курток целых не осталось! Сегодня вон и эту уже старую порвал! Придурок! Ещё на выпивку ему дай. Самому-то взять негде. Третью неделю уже без работы сидит.

– Да выгнала бы его давно! – предложил Игорь. – Хошь, мы щас его отправим?

– Да нет. Не надо. Мы с ним два года уже. Он раньше нормальный был. Это за последний год опустился ниже плинтуса. У него родители в собственном доме сгорели. Вот он с горя и пьёт. А мне его жалко. У него ведь, даже пойти не куда, дома теперь нет.

– Дело твоё. Не нам тебя учить, – вступил Ваня, – Я твоей дочки чуть постарше, если это конечно правда. Но надо бы поставить жёсткое условие, дать выбор. Либо завязывает и на работу устраивается, либо пинком под зад!

– Да ставила уже условие. Не выполняет.

– А чё тогда церемонишься? – возмутился Игорь.

– Быть – миллион первой из миллиона одиночек? Мне уже не двадцать! Он хоть не гуляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.